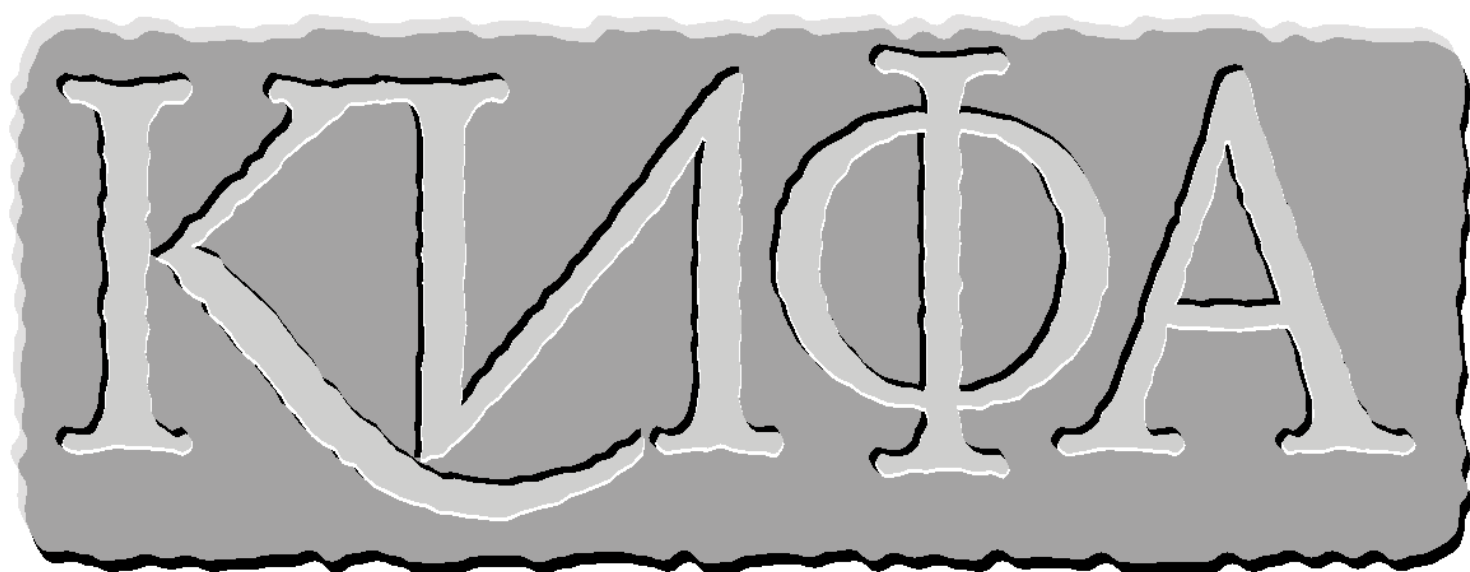

11/12

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

НОЯБРЬ/ДЕКАБРЬ

2003

в газете
использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

МИТРОПОЛИТ СМОЛЕНСКИЙ И КАЛИНИНГРАДСКИЙ КИРИЛЛ: НЕ НУЖНО УСТРАИВАТЬ "ВСТРЕЧУ ПРОТИВНИКОВ"

"Кифа": В прошлом году на миссионерском съезде Вы выступали очень ярко, говоря о том, что от любого человека, вступающего в диалог, требуются определенные шаги в связи с этим диалогом. Какие Вы видите перспективы внутрицерковного диалога не только между РПЦ и РПЦЗ, но и, скажем, между внутрицерковными течениями - например, между Преображенским братством и его оппонентами?

Митрополит Кирилл: Я не думаю, что нужно устраивать "встречу противников". Нужно проводить конференции, круглые столы, которые бы обеспечивали возможность широкого диалога. Вот такая конференция, как сегодня, такую возможность нам дает.

"Кифа": Может быть, этому помогло бы совместное участие в каких-то практических проектах, связанных с миссией и катехизацией?

Митрополит Кирилл: Совершенно верно, думаю, что и так, и совместные проекты. Но самое главное - чем больше мы говорим друг с другом, тем лучше преодолеваем проблемы, которые стоят. Разрушаются мифы, подозрительность, навешанная, вообще говоря, в первую очередь той трудной обстановкой, которая была и в стране, и в церкви в период распада Союза и в эти первые годы. Сейчас, я думаю, конечно, все становится более респектабельным, более спокойным, разумным, но для того, что-

бы двигаться вперед, нам нужно осмысление тех проблем, которые стоят перед нами. И не только на уровне Синода или Архиерейского собора. Важно, чтобы весь народ Божий принимал участие в подготовке этих решений.

"Кифа": Митрополит Никодим, о котором Вы сегодня говорили, большое внимание уделял церковной интеллигенции. Каким вы видите участие мирян - и во внутрицерковном диалоге, и в дальнейшей жизни церкви? Ведь, скажем, в миссионерском съезде, о котором мы говорили, участвовало триста священников и всего несколько человек мирян.

Митрополит Кирилл: Нужно, конечно, чтобы усиливалась роль мирян. Важно только, чтобы она не привносила с собой ненужной политизации. К сожалению, в течение последнего времени мы часто с этим сталкивались - когда за действием мирянских организаций просматривался какой-то политический заказ или какая-то политическая инициатива. Вот этого не нужно. Это будет мешать и это будет разрушать взаимодействие духовенства с такими мирянскими организациями. Но вообще сама по себе активность мирян очень важна.

Вопросы задавала
Александра КОЛЫМАГИНА
Интервью дано на конференции
«Служение Церкви в современном мире»

АНОНС:

Активизирует ли сближение РПЦ с РПЦЗ фундаменталистов в России?

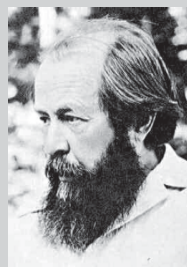
В своем интервью протоиерей Георгий Митрофанов, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии, член комиссии по канонизации святых, один из трех представителей РПЦ на Всезарубежном пастырском совещании РПЦЗ в г. Някя 8-12 декабря 2003 г., делится своими впечатлениями от обсуждения габолее острых вопросов современной жизни церкви с «зарубежниками» (с.2,7)

А.И. Солженицыну - 85 лет

17-19 декабря в Москве, в помещении библиотеки-фонда "Русское Зарубежье" прошла международная научная конференция "Александр Солженицын: проблемы художественного творчества". Такая конференция прошла в России впервые.

В этом номере два разворота - сс. 4-5 и сс. 8-9 отдают прозвучавшим на конференции докладам. На с. 3 опубликован обзор трех дней работы конференции и поздравление юбиляру от Свято-Филаретовского института и Преображенского содружества православных братств.

Предварительные итоги

О том, какие события прошедшего 2003 года можно назвать важнейшими, на страницах «Кифы» размышляют профессор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Ианнуарий (Ивлиев), ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков, автор книги «Догмат о Церкви» протоиерей Павел Адельгейм и народный артист России Сергей Юрский (с. 7)

Маленький шедевр:

"Случай на станции Кочетовка"

В докладе Ольги Седиковой, посвященном одному из лучших рассказов Солженицына, не только сам сюжет предстает в новом, совершенно неожиданном контексте. Тема личной ответственности, так часто именно при чтении этих произведений заставляющая нас искать уютные отговорки - слава Богу, это исторические повествования, нам-то не грозит то же, что их героям! - встает во всей своей глубине (сс. 8-9)

"Среди музыкантов, игравших христианский рок, было много неверующих..."

В рубрике «Разномыслия» два разных взгляда на проблему того явления, которое сегодня принято называть «христианским роком» представлены статьей директора христианского музыкально-продюсерского центра "Мессия" Игоря Королева и интервью с одним из руководителей молодежного движения Преображенского содружества Александром Копировским (с. 10)

"Personal Jesus"

Статья киевского автора Влада Головина, посвященная современному церковному индивидуализму, и связанная с ней переписка между автором и одним из сотрудников «Кифы» говорят не только о проблемах, стоящих на пути возрождения общины, но и о путях их разрешения (с. 11)

"Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин..."

На последней странице газеты сегодня вновь - книжное обозрение. В нем встретились два совершенно разных издания: в одном из них - древние христианские тексты, в другом - острая современная полемика. Но удивительным образом в рецензиях (написанных разными авторами) ключевым стало одно и то же слово. Какое именно - узнает внимательный читатель рубрики (с. 12)

АКТИВИЗИРУЕТ ЛИ СБЛИЖЕНИЕ РПЦ С РПЦЗ ФУНДАМЕНТАЛИСТОВ В РОССИИ?

Интервью с протоиереем Георгием Митрофановым, преподавателем СПбДАиС, членом комиссии по канонизации святых РПЦ, одним из трех представителей РПЦ на Всезарубежном пастырском совещании РПЦЗ в г. Няк 8-12 декабря 2003 г.

"Кифа": Отец Георгий, Вы приняли участие в расширенном Всезарубежном пастырском совещании на тему "Путь Русской Зарубежной Церкви в прошлом и будущем". Что Вы можете сказать о проблемах диалога между двумя частями Русской церкви, которые выявило это совещание?

- Многие опасаются того, что диалог с зарубежниками, а тем более объединение с РПЦЗ, активизирует фундаменталистски настроенные круги нашей церковной общественности. Однако общение с представителями РПЦЗ, среди которых так называемые фундаменталисты отнюдь не являются безусловно доминирующей группой, убедило меня в том, насколько не похож наш доморощенный, несущий на себе неистребимую печать советской идеологической нетерпимости "фундаментализм" от подчас содержащего элементы фундаментализма церковного консерватизма зарубежных. Потому что на самом деле их фундаментализм - это как традиционализм митрополита Антония (Храповицкого). Он в общем и целом не похож на тоталитарный стиль мироощущения, даже не мировоззрения, наших фундаменталистов, у большинства из которых просто нет никакого отточенного, последовательно продуманного мировоззрения. У них преобладают какие-то эмоциональные реакции, я бы сказал, комплексы и набор каких-то "православнообразных" лозунгов: "ересь екуменизма", "ересь сергианства".

"Кифа": По некоторым из опубликованных в печати сообщений о Всезарубежном совещании можно было представить, что такая же реакция была и там, например, на доклад о. Николая Артемова.

- Так это была реакция 20-30 человек. Причем в этой группе, которая даже сидела все дни совещания за несколькими

отдельными столами, как раз и преобладала атмосфера "советской" нетерпимости, и это объяснимо. Потому что в этой группе задавали эмоционально-мировоззренческий тон наши перебежчики, т.е. люди с чисто советским мироощущением.

"Кифа": А вообще сколько было человек на этом совещании?

- Около 170 человек, а всего у них 230-250 священников по всему миру. Поэтому мы могли делать выводы об общем состоянии умов. При этом следует подчеркнуть, что священники старшего возраста оставляют, как правило, более серьезное впечатление и в плане своей образованности, и в плане отношения ко многим проблемам.

У меня часто возникало впечатление, что церковнославянские тексты зарубежных выглядят лучше, чем некоторые наши новосоставленные литургические тексты, ибо культура церковнославянского языка не примитивизировалась в РПЦЗ так значительно, как у нас. У них сохранилось чувство стиля, присущее тому богословию начала века, которое и в своих фундаменталистских проявлениях, как у Антония (Храповицкого), и в либеральных, как у "парижской" школы, все-таки имело иной уровень, чем богословский "политпросвет", которым руководствуются наши доморощенные фундаменталисты. Клирики РПЦЗ, конечно, во многом люди более толерантные, чем многие представители нашего духовенства, просто в силу того, что они живут в иных условиях, у них более спокойная, свободная жизнь, пребывание среди инославных заставляет их быть более открытыми и более уверенными как в самих себе, так и в силе Русского Православия.

Вот два примера. Мне было высказано удивление со стороны зарубежных, что в нашей церкви часто раздаются голоса, призывающие государственные власти запретить деятельность тех или иных сектантов. Они мне говорили: "Как вы можете призывать вчерашних безбожников вмешиваться в религиозные дела? Ведь они сегодня запретят сектантов, а завтра будут запрещать вас. Вы говорите, что Россия страдает от засилья сектантов. Так вот мы живем в стране, которую сектанты создали, в Америке, мы в этой стране живем в условиях отделения церкви от государства и очень этому рады. Нам в голову не приходит обращаться к госчиновникам, в основном, протестантствующим сектантам, хотя они в своей политике и стараются проводить принцип безрелигиозности, чтобы они решали за нас наши задачи. Мы научились здесь сами защищать себя от сектантов. При этом если кто-то уходит из нашей церковной жизни, то эти люди, как правило, уходят просто в религиозный агностицизм. Крайне редки случаи, когда от нас кто-то уходит в баптисты или пресвитериане. К нам гораздо больше приходит протестантов, чем от нас уходит к протестантизму - почему же вы этого не добиваетесь? А у нас многие уходят к баптистам, к иеговистам". Вот такого рода взгляд имеют те, кого мы воспринимаем как фундаменталистов, взгляд весьма даже либеральный.

Другой момент, тоже очень показательный. Когда они говорили о недопустимости екуменизма, т.е. не только молитвенно-евхаристического общения с инославными, но и каких-то глубоких контактов, по ходу разговора можно было задать вопрос: "Вы что же, считаете, что католики и протестанты будут в геенне огненной гореть?" - "Да, нет, мы же не идиоты, чтобы такие выводы делать. Их Господь будет судить. Мы не хотим проповедовать учение об "апокатастасисе наоборот" для кого-то". В то же время их, условно говоря, единомышленники у нас с чисто советской доверчивостью, тупостью и мировоззренческим инфантилизмом скажут: "Да, конечно, и протестанты и католики будут в геенне огненной гореть. А если этого не будет, если все неправославные не будут

гореть в геенне огненной, то мы тогда и православными быть не хотим!" Это уже влияние того исторического опыта, который есть у них. Поэтому если бы наши доморощенные фундаменталисты столкнулись бы с подлинными фундаменталистами зарубежниками, они были бы очень разочарованы. Они бы их, весьма разнообразных по своим личностным чертам, наверняка зачислили бы или в категорию "либералов", или в категорию "модернистов", и даже в категорию "кочетковцев".

Еще один вопрос, который мне приходилось слышать от них: "К нам приходит большое количество людей, сейчас приезжающих из России, из которых кто-то крещен в младенчестве, кто-то в зрелом возрасте. Когда бы из них кто ни принял крещение, в перестроечное время или в другое, они все дремучие, они все невежественные. Как вам удается крестить миллионы людей, их никак не катехизировав? Зачем вы это делаете?" Естественно, у них ситуация другая. У них православные - либо выходцы из семей православных, для которых православие в эмиграции стало вообще квинтэссенцией жизни, которые дабы остаться русскими, посещают с детства приходские школы параллельно со своими средними школами и естественно формируются достаточно четко в плане катехизационном. Это действительно мыслящие христиане. Либо выходцы из протестантов, получившие протестантскую катехизацию, что-то осознанно восприняли, переосмыслили и пришли в церковь. Конечно у нас ситуация другая. Мы объясняли зарубежникам, что у нас многие священники не могут и не хотят заниматься катехизацией, ибо вся жизнь их прошла без катехизации. Можно сказать, что некоторые из них и сами нуждаются в катехизации.

Политическое кредо зарубежного духовенства - антикоммунизм. Даже монархизм сейчас, особенно благодаря эмигрантам второй волны, отошел немного на периферию. Да, к монархии там все относятся уважительно, но для них первоочередной проблемой является антикоммунизм, и с этой точки зрения все, что в истории нашей церкви предполагало не то что компромиссы, а какой-то легальный диалог с коммунистическим государством, вызывает у них гипертрофированно резкую реакцию.

Но, когда начинаешь с ними аргументированно говорить об этом, когда зарубежники узнают, что диалог с государством вели и антикоммунисты, те же самые иосифляне, которые не исключали при определенных условиях легального существования церкви, когда они узнают, насколько эфемерной была надежда на длительное существование у нас каткомбной церкви, когда они узнают, что, оказывается, не было массовой поддержки народом церкви гонимой, народ страдал, видя гонения на церковь, но активно за нее не выступал, когда им становится известной жуткая статистика, говорящая, что подавляющее большинство подследственных, в том числе и священнослужителей, давали признательные показания, многие из них вдруг понимают, что в тех условиях единственным способом сохранить даже не свою семью, а своих прихожан был поиск каких-то компромиссов с властями. Их ригоризм по отношению к "сергианству" начинает понемногу спадать, ибо обусловлен часто незнанием фактов.

"Кифа": Поднималась ли на этом совещании тема Поместного собора 1917-18 года?

- В своем выступлении я упоминал о том, чем РПЦЗ может быть для нас полезна. В частности, я говорил о том, что зарубежники смогли в большей степени реализовать Определения о епархиальном управлении и о приходском управлении Поместного собора 1917-18 годов. Другое дело, что нельзя сказать, что у них это все последовательно реализовано. Где-то больше, где-то меньше, но, во всяком случае у них этот опыт был более

значителен, а, во-вторых, именно в условиях пребывания в современном плюралистическом, секуляризованном обществе массового потребления, в том обществе, к которому идет и наша страна, они смогли выстоять, выжить, смогли приобрести опыт существования именно в этих условиях. Для нас это тоже интересно и важно, потому что нам это все еще предстоит. И с этой точки зрения я считаю, что опыт и Русского экзархата Вселенского патриархата, и Сурожской епархии, и Зарубежной церкви более соответствует нормам Поместного собора 1917-18 годов.

С этим они соглашались, но при этом говорили: "Почему же вы за эти годы не попытались в полной мере реализовать эти принципы в своей жизни?" На что я отвечал, что обстоятельства развития церковной жизни в предшествующие десятилетия были таковыми, что у нас действительно складывалась исключительная вертикаль церковной власти без всякой горизонтальной, причем вертикаль, которую постоянно жестко держали в руках светские власти. Когда светские власти перестали вмешиваться в церковную жизнь, возникла ситуация, когда в условиях всеобщего распада, в т.ч. и церковного, как например на Украине, усилилась охранительная тенденция усилить вертикаль власти как гарант сохранения церковного единства. Это с одной стороны. С другой стороны, зарубежники мне сами говорили, возвращаясь к проблемам о наших выходах в Америке: те, кто начинает ходить в наши приходы, приходят, чтобы психологически адаптироваться в незнакомой англоязычной стране. Но самое главное, те, кто все-таки начинают причащаться, поражают своим потребительски безответственным подходом к приходской жизни. Они придут, поставят свечку, причастятся и уйдут. У них нет абсолютно никакого, даже предположительного представления о том, что после литургии у прихода есть какие-то свои дела: и благотворительные, и социальные, и просветительские. У них в этом потребности нет. Для них приход - это место, куда приходят "удовлетворить свою индивидуальную потребность", причаститься-исповедаться и уйти.

Это показывает, что, увы, общинная жизнь у нас в России не сложилась. Это одна из проблем. Не сложилась отчасти по объективным причинам, потому что государственные власти в советское время десятилетиями препятствовали любым формам церковной жизни, кроме богослужебной. Сложилось поколение священников, которое ничего кроме требоисполнительской богослужебной деятельности не хочет делать в отношении своих прихожан. Они формируют себе подобных священников из числа молодых, которые приходят в церковь, когда уже можно что-то делать, и нам эту инерцию очень трудно преодолеть. В результате возникает мысль о том, что только епископ может в конечном итоге подтолкнуть приходы к общинной жизни. А епископ, на самом деле, тоже не в состоянии преодолеть эту инерцию, характерную для основной массы духовенства. Почему, собственно, общение с ними для нас и полезно? Потому что их опыт создания приходских общин может быть нам чрезвычайно полезен именно сейчас. Хотя я подчеркивал, что, на мой взгляд, было бы важнее им с нами объединиться уже в 1990-м году, когда их приглашали на собор по выборам нынеш-

Продолжение на стр. 7

ПРОТОПРЕСВИТЕР БОРИС БОБРИНСКИЙ: МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ ПРОСТО «СОТРАСЕНИЕ ВОЗДУХА»

"Кифа": О. Борис, как повлияет и может ли повлиять на положение дел в православной Европе намечившееся объединение РПЦ и РПЦЗ?

Прот. Борис Бобринский: Может быть, произойдет - как это говорится? - "сотрясение воздуха". Потому что, когда было письмо Святейшего патриарха в начале этого года, оно, хотя и пришло в неудачный момент, возбудило большое волнение среди наших, в основном среди тех, кто склонен был мечтать и трудиться об объединении с Русской церковью. Как-то сейчас эта проблема была разрешена избранием нового архиепископа, чему они тогда противились. Конечно, сейчас, если будут конкретные шаги и плоды, положительные для объединения, это может взволновать всю русскую общественность, включая нашу. Мне трудно больше сказать, больше предвидеть, потому что наше положение иное: мы русской традиции, но мы уже не русской епархии. У нас русскоязычные составляют одну пятую, или седьмую, или одну десятую от всего состава клира или мирян нашей епархии. Тут надо быть довольно осторожными.

НОВЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ВСТУПАЕТ В ДОЛЖНОСТЬ

Справка «Кифы»

Синдесмос – международная федерация Православных молодежных движений, организаций и богословских учебных заведений, которая «служит Церкви, Ее единству, свидетельству, миссии и возрождению за жизнь мира».

Цель Синдесмоса, выраженная еще в его первой Конституции 1954 года – «установление духовной связи и широкого сотрудничества среди движений и групп православной молодежи, пробуждение сознания единства Православия, создание путей взаимопомощи и оказание помощи православной молодежи на путях общения с инославными».

Первые годы деятельности этого единственного в своем роде всемирного православного братства связаны с именами известных богословов и церковных деятелей – прот. Иоанна Мейендорфа, прот. Александра Шмемана, Павла Евдокимова, Никоса Ниссиотиса. Греческое слово «Синдесмос», ставшее его названием, было позаимствовано из послания св. ап. Павла, который призывает ефесских христиан «стараться сохранять единство духа в союзе (греч. синдесмос) мира» (Еф. 4:3).

Конституция Синдесмоса: «Административный Совет является управляющим органом Братства в период между Ассамблеями и призван служить и способствовать достижению целей и выполнению задач Организации».

Президент совместно с вице-президентами обеспечивает выполнение принятых Генеральной Ассамблеей решений, соответствие деятельности конституционным целям, организует деятельность Административного Совета.

Генеральный секретарь – это тот, кто непосредственно организует работу офиса, следит за проведением запланированных мероприятий, ведет документацию, пишет отчеты, контактирует с членскими организациями и т.д.

Вслед за выборами президента в СИНДЕСМОСе прошли выборы генерального секретаря

"Кифа": Как это случилось?
Ольга Олейник, генеральный секретарь СИНДЕСМОСа: 24-26 октября в Афинах состоялось заседание Административного Совета СИНДЕСМОСа, на котором среди прочих рассматривался вопрос выбора нового генерального секретаря. В секретариат поступило три заявки – из Финляндии, Беларуси и Румынии.

"Кифа": Когда ты узнала о новом назначении?

Ольга Олейник: Почти сразу после избрания мне позвонил Христофор Д'Алозио и сообщил о том, что моя заявка была одобрена.

"Кифа": Что это для тебя: новое место работы, церковное послушание или служение?

Ольга Олейник: Для меня занятость в церковной организации всегда была не просто работой. Я сразу после окончания института в 1998 году попала в церковную структуру. Постепенно проявилось противоречие между профессиональной деятельностью и желанием служить. Я долго не могла принять решение – оставаться или уходить. И вот получила ответ в поддержке моей заявки на пост генерального секретаря. Я принимаю это с большим трепетом, как Божий дар, которого не заслуживаю.

"Кифа": Что ты планируешь сделать за отведенный тебе на этом посту срок? Какие задачи, стоящие перед СИНДЕСМОСом, ты считаешь первоочередными?

Ольга Олейник: Содержание работы секретаря заключается в административной поддержке деятельности Братства. Я пока не встречалась с Административным Советом, поэтому трудно говорить о каких-то конкретных программах. Лично я думаю, что необходимо стремиться к преодолению формальности, наши проекты не должны быть просто мероприятиями, а наши контакты – деловыми отношениями.

"Кифа": На чью помощь или поддержку ты рассчитываешь в первую очередь?

Ольга Олейник: Я ее уже получаю от членов Административного Совета, на братском уровне и на уровне церковной иерархии. Надеюсь, что и далее смогу опираться на братские и сестринские плечи.

"Кифа": Будет ли штаб-квартира СИНДЕСМОСа располагаться в Минске?

Ольга Олейник: В течение будущего года никакого перемещения офиса не планируется, что будет дальше – пока сказать не могу.

А.И. СОЛЖЕНИЦЫНУ ИСПОЛНИЛОСЬ 85 ЛЕТ

11 декабря 2003 г. исполнилось 85 лет Александру Исаевичу Солженицыну – человеку, который всей своей жизнью доказал, какова сила слова правды, слова, которое звучало лишь в слепых ксероксах и еле различимых фотокопиях, но стало одной из причин разрушения огромной, казавшейся незыблемой, структуры, построенной на обмане и самобмане.

Отмечая этот день, трудно не вспомнить слова Ольги Седаковой: «Имя Солженицына – это не просто имя значительнейшего писателя и мыслителя XX века, это в каком-то смысле имя самого исторического бытия страны, в которой мы родились... XX век богат примерами подвижничества, но мне трудно назвать другого человека, который в одиночку донес бы такую ношу: говорить за целую страну, лишенную и лишившую себя слова. То есть в каком-то смысле быть за эту страну, потому что замолчанная, фальсифицированная реальность, реальность, у которой нет свидетеля, просто не обладает бытием».

Многие задают себе вопрос – почему именно в последние годы мы не слушаем и не слышим голос этого человека? Наверное, ответить на этот вопрос сейчас еще невозможно. Невозможно до тех пор, пока мы все не научимся приложить каждый к своей собственной жизни ничуть не менее актуальные, чем тогда, когда они были сказаны им, слова: жить не по лжи.

17-19 декабря в Москве, в помещении библиотеки-фонда "Русское Зарубежье" прошла международная научная конференция "Александр Солженицын: проблемы художественного творчества".

Такая конференция прошла в России впервые. Парадоксально, но, несмотря на мировую известность, творчество Солженицына слабо изучено российскими исследователями. "Солженицыноведение" находится в зачаточном состоянии. В начале 90-х в российской прессе появились первые, еще редкие и разрозненные, публикации об Александре Исаевиче и его трудах, которые сотрудники фонда Солженицына аккуратно собира-

ли и подшивали. Только несколько лет спустя стали защищаться первые дипломные работы и диссертации на эту тему. И лишь сейчас, в дни празднования 85-летия писателя, удалось собрать специальную конференцию.

Официальная часть ограничилась кратким и неформальным выступлением министра культуры правительства Москвы А.И. Музыкантского и чтением столь же неформального приветствия Президента РАН А.Н.Осипова.

Среди научных докладов особо выделялись "Явление Солженицына. Опыт синтеза" парижского профессора Н.А. Струве и "Маленький шедевр: "Случай на станции Кочетовка" поэта О.А. Седаковой.

Профессор Пекинского университета Жэнь Гуансюань познакомил аудиторию с историей переводов произведений Александра Солженицына на китайский язык. Он сообщил, что китайские читатели открыли "Архипелаг ГУЛАГ" на 7 лет раньше российских, – в 1982-м году, а также то, что Солженицын и сегодня – заметное явление в общественной жизни Китая: читающая публика резко делится на тех, кто "за" и "против".

Ядром конференции, по признанию многих ее участников, стали личные свидетельства тех, кого Солженицын назвал "невидимками" – людей, благодаря которым мы и имеем возможность читать его книги. Сам облик Е.Ц. Чуковской, Н.Г. Левитской, М.Г. Петровой, их готовность и открытость к диалогу и общению, не частая в наши дни, оказались способны непрерывно привлекать внимание. Их выступления дали возможность ощутить атмосферу того невидимого братства, которая, по замечанию Н.Д. Солженицыной, чем-то напоминал "дух первоапостольских общин".

Подводя итоги, директор фонда "Русское Зарубежье" В.А. Москвин сообщил о планах сделать в будущем конференции, посвященные творчеству Солженицына, регулярными.

В этом номере два разворота – сс. 4-5 и сс. 8-9 отданы прозвучавшим на конференции докладам

Дорогой Александр Исаевич!

Присоединяем свой голос ко всем тем, кто в дни Вашего юбилея хотел бы выразить Вам свою любовь и огромную признательность.

Мы знаем и любим Ваши книги, которые никогда не были только рупором идей их автора. Скорее их можно было бы назвать "гласом вопиющего в пустыне" – но не в расхожем смысле, а в изначальном, евангельском.

Только сейчас, в начале XXI века, видно, сколь значителен Ваш вклад в подготовку церковного возрождения в нашей стране. Возрождения, которое проявляется не столько в умножении золотых куполов, сколько в том, что к Богу и в Церковь несмотря ни на что продолжают приходить люди, "чья мысль не подражательна", – как Вы сказали о настоящей интеллигенции.

Мы от всей души благодарим Вас и за то, что Вы разделяете и поддерживаете стремление дать церковному народу богослужение на том языке, на котором он думает, читает и говорит.

Сейчас, в 85, Вы не почил на лаврах, но вновь призываете к узкому пути – единственному, ведущему в Царство.

И мы вместе с Вами благодарим Бога за многие лета Вашей жизни, каждый этап которой освещен "не рассудком... не желанием", а "ровным сиянием" Высшего Смысла.

С любовью и молитвой за Вас, искренне Ваши

священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института,

все учащие, учащиеся и сотрудники Института

и члены Преображенского сообщества малых православных братств.

НА ЕПАРХИАЛЬНОМ СОБРАНИИ МОСКВЫ ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ ГОДА

23 декабря 2003 года в Зале церковных соборов кафедрального соборного храма Христа Спасителя под председательством патриарха Алексия II состоялось епархиальное собрание города Москвы.

Выступая перед собравшимися иерархами (в собрании приняли участие митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей, а также девять викарных архиепископов и епископов), священнослужителями и мирянами, представлявшими храмы Москвы, патриарх рассказал об итогах года в зеркале статистики. Присутствующие

познакомились с точной численностью храмов и часовен в Москве, количеством клириков епархии, численным составом учащихся духовных учебных заведений.

Среди наиболее заметных событий уходящего года были упомянуты торжества по случаю столетия прославления преп. Серафима Саровского. "Эти торжества на Нижегородской земле стали знаменательным и памятным событием не только для Русской Православной Церкви, – было отмечено в докладе. – Они носили ярко выраженный церковно-государственный ха-

рактер... Возрождение наших святынь требует постоянных усилий, и положительный результат может быть достигнут только при взаимодействии церкви, государства, предпринимателей и общества".

Как отметил патриарх, "по милости Божией еще один год церковь пережила в мире и спокойствии. Церковная жизнь в уходящем году не изобиловала резкими всплесками, которые наблюдались 10-15 лет тому назад".

Теме итогов года в номере посвящены сс. 6-7

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Из выступления священника Иоанна Привалова

Явление Солженицына - это реальность, которая сложна, многогранна, противоречива и поэтому может по-разному оцениваться, но с ней можно и нужно вступать в диалог. Однако, чтобы вступить в диалог, нужно самому принадлежать реальному миру, покинуть мир фантазмов, прийти в себя, т.е. вернуться в реальную точку своего существования, иначе это будет разговор не по существу, а "вокруг да около". Поэтому я буду опираться на то, что хорошо знаю, а именно на материалы своей жизни, на жизнь моих друзей во Христе, т.е. на жизнь нашего небольшого церковного братства, которое существует десять лет на севере России и включает в себя человек семьдесят.

Моя первая встреча со словом Александра Исаевича произошла летом 1989 года. Газета "За рубежом" тогда опубликовала одно его интервью. В то время я, восемнадцатилетний молодой человек, находился в поисках духовной жизни. Я тогда еще не знал точно, есть Бог или нет. Эта реальность то приоткрывалась мне, то закрывалась. Я склонялся к тому, что Бог есть, но нужен был пример конкретного человека, который показал бы, какие из этого следует сделать практические выводы. Спросить было не у кого. О Солженицыне я тогда ничего не знал, кроме того, что нам говорили на полиграфических, а именно, что "это человек с большим талантом, но возмнившийся о себе, впавший в критиканство, обиды и высланный за это на Запад". Но это интервью вызвало во мне мгновенный интерес и доверие. Я уже не помню, спрашивали ли там Александра Исаевича о вере или нет, - это не важно. Его слово было исполнено веры в присутствие Божье в нашей жизни. В то время "Новый мир", а потом и другие журналы начали печатать произведения Солженицына. Я их читал с большой жадностью, потому что в них была пища и для ума и для сердца. Они питали мою веру и учили жизни.

Осенью 1989 года я оказался в серьезном внутреннем конфликте с окружающей жизнью. На лекции в нашем педвузе преподаватель истории средних веков, пожилой человек, убежденный марксист и ленинец, с большим пафосом разоблачал христианскую церковь, "уничтожившую в своих инквизициях 15000 человек". Он говорил: "Вы только подумайте - 15000 человек!" А что мог думать я, если вчера я прочитал в "Архипелаге", что Советский Союз лишил жизни 66 миллионов человек в мирное время?! Этот случай стал последней каплей - я понял, что масштабы окружающей меня лжи превосходят мои силы, что я уже не могу различать - где правда, а где ложь.

И я делаю вывод, нормальный для юноши-максималиста: я больше не верю ни одной советской книжке, ни одному советскому преподавателю и безоговорочно доверяю только Солженицыну. Его книги я читаю и перечитываю не столько из любви к литературе, к его стилю, к его манере, но и в поисках ответа на вопрос: как жить дальше. Его тон - это тон правды. Сила его слова раскрепощает меня и освобождает от глубинного страха. Так Солженицын становится моим учителем жизни на несколько лет.

Мысль о том, что нужно "жить не по лжи", сопровождает меня всюду, в том числе и тогда, когда я переступаю пороги храмов, и тогда, когда я устраиваюсь на постоянную работу в церковь в качестве сторожа и дворника. Меня вдохновляет и удивляет жизнь "невидимок" - их опыт слаженной жизни в сотрудничестве и служении правде и истине. Я улавливаю в их опыте отголоски первохристианства, той общинно-братской жизни, которую я ищу в церкви и никак не могу найти. Слово, образ, пример Солженицына побуждает меня не допускать праздности, особенно тогда, когда открываются языки современного церковного общества. Солженицын показывает, что "и один в поле воин", поэтому не нужно дожидаться, что кто-то другой будет решать проблемы твоей и окружающей тебя жизни.

Став в 1993 году, в возрасте 22-х лет - такое тогда было возможным - священником и настоятелем сельского прихода, я с ужасом вижу, что ложь в невероятных масштабах проникает в церковную ограду. Советские люди без покаяния и без малейшей веры во Христа толпами принимают крещение. Я понимаю, что крещение - это таинство Возрождения человека, Таинство его вступления в новозаветный народ Божий - профанируется, оно ни к чему не ведет. Люди толпами приходят в храм ради совершения крещения и такими же толпами выходят из храма, так и не успевая войти в Церковь с большой буквы, даже не подозревая о Ее существовании. А те немногие, что остаются, несут в себе весь букет советских болезней - хамства, подлости, готовности принимать за веру новую идеологию и решительно оттесняют то старое покаяние церковных людей, которые сознательно и ответственно вошли в церковь в годы советского времени, но чьи силы уже успели оскудеть к переходному периоду. Здесь я должен оговориться, что я не подвергаю критике саму Церковь с большой буквы, я говорю только о каких-то проявлениях церковного общества, с которыми мне реально приходилось сталкиваться. В общем, я вижу, что совершается ложь, - создается реальность из этих мнимых крещений, которые ни к чему не ведут, создается многомиллионная церковь, которой на самом деле нет и быть не может. Но я не знаю, что делать.

Все лето 1993 года я продолжаю по инерции крестить людей без серьезной подготовки, т.е. не помогая им стать реальными христианами не только по имени, но и по духу. Все делают так, поэтому и я крещу автоматически. И вдруг осенью меня обжигает: ведь отказаться от такого "крещения", это и значит сегодня - жить не по лжи на том месте, где поставил тебя Господь! Эта ситуация требует не только раскаяния - публичного признания в несправедливой жизни, но и глубокого покаяния - т.е. усилия по исправлению жизни, исправлению ситуации, конечно, без осуждения других.

И это совершается. Плодом этого покаяния является то самое братство, которое я упомянул в начале. Можно сказать, что эта ситуация лета-осени 1993 года стала первым отголоском явления Солженицына в моей церковной жизни.

НЕОБЪЕКТИВИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ

Из выступления профессора Андрея Борисовича Зубова

Здесь многие говорили о том, что "Архипелаг ГУЛАГ" сломал советскую систему. И это так, потому что экспликация, демонстрация правды - самое страшное дело для сатаны. А режим был - режим "зверя с именами богохульными", того самого красного апокалиптического дракона. Однако, сказав этот режим экспликацией правды, этот великий труд Солженицына не вызвал раскаяния в наших душах. Да, бывшие эзки увидели в этом некую опору себе. Да, появились люди типа А.Н.Яковлева, которые глубоко раскаялись. Но, тем не менее, для большинства "Архипелаг" остался фактом культуры, не пережитым внутренне, не изменившим жизнь, не породившим изменение ума - метанойю. "Архипелаг ГУЛАГ" остался фактом исторической прозы, но не фактом исправления общественного сознания в тех масштабах, которые требовались для исцеления России.

И, сознательно или не сознательно, писатель предлагает следующий тезис: если народ не способен ужаснуться тому, что сотворили советские люди, значит, само это "советское" - порождение чего-то досоветского. И с честностью гражданина он обращается к более глубокому пласту отечественной истории в "Красном колесе".

Теперь он старается понять причину общей апостасии, общего предательства всего народа, его высших и низших слоев - от царя до последнего рабочего и деревенского мужика, от священника до философа. И этот, может быть, особенно трагический роман не только не осознан, а даже не прочитан нашим обществом, в отличие от "ГУЛАГа", который попал на то время, когда люди читали тамиздатовские книги за одну ночь. Роман еще ждет своего читателя, ждет своего времени.

А потом произошло то, что, собственно, и должно было произойти, когда рухнул режим. Все думали о том, что вот - упала внешняя стена и теперь начнется новая жизнь, нормальная, год-два - и все изменится, и раскроется та старая Россия, которую мы потеряли, и, раскрывшись, она пойдет дальше. Но бетонная постройка, которая, по словам Солженицына в "Как нам обустроить Россию", при разрушении могла задавить общество, оказалась совсем не внешней. Она оказалась внутренней. Великие слова Спасителя: "Царство Божие внутри вас есть", обращены в две стороны. Не только Царство Божие, но и царство сатанино "внутри нас есть". И внутренняя тюрьма, которая возникла из-за согласия на зло революции у дедов, из-за сотрудничества с режимом - у отцов и у нас самих, эта внутренняя тюрьма, в которую мы вогнали свою душу, потому что иначе надо было идти на Голгофу (а на Голгофу большинство идти совсем не хотелось, даже большинство жертв тащили на Голгофу, единицы шли добровольно), вот эта внутренняя тюрьма выстояла. И "Россия в обвале" - это великая скорбь о том, что же сделал народ с собой, не слыша призывов к покаянию, к изменению ума, но закоснев, заткнув уши, закрыв глаза, став "народом жестоковейшим", который не желал слышать того, что он наделал и даже то - что с ним наделали. И поэтому всё, на что так уповал Александр Исаевич как гражданин, как политический

мыслитель - самоуправление, земство, построенный снизу от земли конус демократии, восходящий вверх - все это оказалось химерой. Этого нет. Потому что все эти формы самоуправления, в конечном счете, предполагают самоуправляющуюся волю, ответственную волю, а коли ее нет, коли она пленена соглашением со злом и с той ложью, жить не по которой призывал писатель, конечно, ничего не будет.

И, вот после всего этого Солженицын пишет свой на данный момент последний труд - "Двести лет вместе". Почему писатель, который постоянно говорил о том, что он полностью обращен к своему народу, к русскому народу, к его страданиям, к его слезам, к его пути, вдруг выбрал проблему отношений русского и еврейского народов? А почему не русского и армянского, русского и грузинского? Если уж говорить о тех проблемах, которые для русского народа создали другие нации, то, наверное, Сталин и Берия создали не меньше проблем, чем Троцкий, Володарский и Урицкий. И здесь я хотел бы сказать, что в том и величии Александра Исаевича, что он писал не о другом, не о чужом народе. Он писал о своем народе - не в смысле физического и кровного родства, а в смысле того великого родства с еврейским народом, которого не может не ощущать любой христианин, причащающийся Плоти и Крови Господа, которая, по абсолютно верному, конечно же, слову апостола Павла, была "от иудеев" - "От них же и Господь по плоти" [Рим.9,5]. Еврейский народ не может быть чужим народом для любого человека, который принадлежит к "Новому Израилю", а потому проблема еврейского народа есть внутренняя проблема русского народа.

Александр Исаевич не обратился с призывом о метанойе к народу армянскому или грузинскому, хотя, разумеется, любой народ совершает на своем историческом пути немало ошибок и ему есть за что каяться. Но это - другой народ. Братский, близкий, но другой. Еврейский же народ - это ты сам.

Для меня, как для профессионального историка, важнейшим моментом всего творчества Александра Исаевича, начиная с его художественных романов, является нравственное прочтение им истории. В истории для Солженицына нет детерминирующего внешнего закона развития формаций, смены народов, рас, времен, но в ней есть внутренняя пружина ответа на добро и зло. И когда народ выбирает зло, с ним совершается зло. Вот это умение нравственно прочесть историю, умение увидеть в ней личный выбор, выбор личной воли - это, может быть, главный вклад Александра Исаевича в русскую культуру, в европейскую культуру XX века, страшного века, который всеми своими идеологиями как раз уводит человека от нравственного выбора. Посмотрите, нацизм - это не нравственный выбор ("я освобождаю вас от совести", - говорил Гитлер), а выбор крови, выбор почвы. Национализм - самая мягкая форма отрицания выбора, когда свой прав, а чужой не прав "по естеству". О большевизмском государстве я уж и не говорю. И вот Александр Исаевич показывает, что дело не во внешнем "законе развития". Дело в личном выборе человека и в личном выборе народа, как сумме частных человеческих выборов.

В "Двести лет вместе" он сказал замечательные слова, которые могут быть эпиграфом ко всему его творчеству: "Так всегда трудны или смешны в истории те пути самоотвержений и самоограничений, которые одни только и могут спасти человечество". И эти пути, к которым всем своим творчеством призывает Солженицын - пути покаяния. Но его слова не приняты, не поняты, отвергнуты, осмеяны, ошельмованы.

Но то, что было сказано Александром Исаевичем, его призыв жить не по лжи, он сам исполнил, вступив на трудный путь, приведший его к отверженности очень и очень многими. И всё же, мне хотелось бы надеяться, что рано или поздно его слова будут услышаны, ибо иначе у России, да и у еврейского народа, которому посвятил он свою последнюю книгу, - нет будущего.

Свящ. Иоанн Привалов и Е.Ц. Чуковская

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Из слова академика РАО
Сигурда Оттовича Шмидта

Художественное творчество Солженицына самодостаточно и целостно. Но мы вполне вправе сказать, что Солженицын является еще выдающимся историком и создателем источниковой базы будущей истории. Я, профессиональный историк, позволяю себе это сказать не только потому, что общественные взгляды неотделимы от художественного начала творчества Солженицына, не только потому, что всякое художественное произведение является источником познания современного ему мира, не только потому, что описана лагерная жизнь и показано как может остаться душевно простой и честной простая Матрена, а потому что Александр Исаевич действительно много сделал как историк, если подходить к этому профессионально. Приведенная Н.А. Струве фраза, что Солженицыну хотелось быть писателем, священником и военачальником, думается, может пониматься и так, что ему хотелось изображать мир, проповедовать свои взгляды и вести за собой. И история позволяет это сделать.

Я в этом отношении хотел бы отметить, что это великая традиция русской литературы. Первый писатель рубежа XVIII-XIX веков Карамзин создал русскую историческую науку. Пушкин кончал историком и хотел написать историю Петра Великого. Это традиция восполнена Солженицыным, и так как он сумел сохранить свободу мысли, то он, в отличие и от официальной исторической науки в России, и от незнакомой нам в те годы в России исторической науки диаспоры, свободно подошел к самым главным темам современности, к самым трагическим темам - лишение родины в эмиграции и лишение свободы в России. Он поднял эти темы.

Более того, он сделал чрезвычайно много практически. Потому что он, не будучи профессионалом-историком, понял, что самое главное внимание в науке XX века в конечном счете уделяется уже не государственно-политической истории, не социально-экономической, даже не истории культуры, а культуре повседневности. И сумел собрать, записать, сохранить то, что отражает каждодневное мироощущение, каждодневное существование обыкновенных людей. Это тоже традиция, уже русская археография: Бартенев, Семевский, Богучарский организовывали мемуары, собирали эти мемуары. Это тот удивительный вклад в русскую культуру и общественную жизнь, который в конце столетия позволит Александру Исаевичу иметь главу и в трудах по истории общественной мысли, и в трудах по истории исторической науки, а не только в трудах по истории литературы.

И я полагаю, что наш долг историков продолжить с такой же честностью изучение всех этих очень сложных вопросов, споря с Солженицыным, не соглашаясь, может быть, но, во всяком случае, с таким же честным подходом, потому что выбираются вопросы самые животрепещущие.

«ТВОИМ КРЕСТОМ РАЗРУШИТСЯ СМЕРТИ ДЕРЖАВА...»

Из доклада Светланы Всеволодовны Шешуновой (Дубна)

Среди изображенных в «Красном Колесе» богослужений выделяется всеобщая с выносом Креста. Она совершается в субботу на третьей неделе Великого поста (в 1917 году она пришлось на четвертое марта) и открывает четвертую, Крестопоклонную. «Крест голгофских страданий, вынесенный в центр храма, становится в центр мира». По воле автора он становится и в центр эпопеи. Слово «Крест» (как и «Колесо») Солженицын часто пишет с прописной буквы. Тетралогия не может, на наш взгляд, быть понята вне символики Креста и семантики столь выделенного писателем богослужения.

Созерцание Креста позволяет человеку не замыкаться в пределах собственной эпохи, соизмерять происходящее в мире с главным событием человеческой истории, совершившимся на Голгофе. А перед лицом этого события легко осознать, что ни политические коллизии, ни социальные конфликты не достойны восприниматься как основное содержание исторического процесса. «И воспламеняются революции, и гаснут революции, — а мир Творца стоит», — думает во время всеобщей Вера Воротынцева. Встречая Крестопоклонную неделю, только что отрекшийся Николай II думает: «Боже мой, как мелки все наши заботы по сравнению с Голгофой! Что решит или откажет какое-то временное правительство, пустят туда или сюда, что напишут в революционных листках, — всё это пройдет. И его отречение от престола... — тоже пройдет. А Голгофа — останется вечно, как главная жертва и главная тайна». Всенощная с выносом Креста идет уже среди революционного вихря. На улицах вокруг храма творятся бессудные расправы. Стараниями фанатиков-пропагандистов в народе умножаются и умножаются зависть и ненависть. Еще несколько месяцев — и к власти придет правительство, объявившее беспощадную войну Христу и христианам. «Но мир храма торжествовал над внешним. Ничто не могло протянуть лапы остановить этот воспаряющий праздник... где вперед испукалось и всё дурное, что могло случиться во внешнем мире».

Однако это искупление, совершенное Спасителем, отнюдь не освобождает человека от ответственности за собственную судьбу и окружающий мир. Для Солженицына чрезвычайно важно представление о том, что «история есть результат взаимодействия Божьей воли и свободных человеческих волей». В «Красном Колесе» наглядно показано, что в событиях революции 1917 года не было ничего фаталистического; она явилась результатом свободного проявления воли (а чаще безволия) самых разных людей — генералов и парламентариев, министров и рабочих. У этих исторических персонажей, воссозданных на страницах эпопеи, несхожие биографии и политические убеждения. Объединяет их только одно: в решающий момент они идут, иногда из благих побуждений, на сделку со своей совестью. Эта сделка, как правило, предполагает согласие с унижением или убийством невинных людей. Но действующие (а чаще бездействующие) лица оправдывают себя тем, что таким образом служат родине, народу или идеалам всемирного братства...

В этом важнейшем аспекте своего содержания «Красное Колесо» перекладывается с одной из тех восхитавших Солженицына проповедей о. Александра Шмемана, которые писатель в 1970-е годы слушал по радио «Свобода»⁵. Она посвящена именно Крестопоклонной неделе, и в ней говорится: «Мы знаем, что мучили, распинали, ненавидели Христа не какие-то изверги, особо злом одержимые люди. Нет, в сущности, это были люди, «как все»... Но разве не совершается то же самое и в окружающей нас жизни? Разве не присутствует Пилат в каждом из нас всё время? Разве, когда приходит час сказать решительное, бесповоротное нет неправде, несправедливости, злу и ненависти — мы не сдаемся на этот соблазн «умыть руки»? (...) И потому первый смысл крест-

ста — это смысл его как суда... над тем псевдодобром, в которое в мире сем вечного рядится зло и которое обеспечивает злу его страшную победу на земле». «Красное Колесо» воплощает эту мысль художественными средствами. Мозаика документальных сюжетов складывается в рассказ о том, как официальные лица и частные граждане России «умыли руки», освобождая Ленину прямой путь к власти.

Крестопоклонная напоминает не только о Кресте Христовом, но и о том кресте, который дан каждому человеку в его конкретных обстоятельствах и который христианин обязан нести каждый день. Солженицын писал об этом и до «Красного Колеса» — в частности, в своем письме Патриарху Пимену (1972). Символично, что это скорбное письмо датировано именно Крестопоклонной неделей. Сцена всеобщей в «Марте Семнадцатого» будет написана еще не скоро. Но её будущий автор уже призывает «в эти дни, коленно опускаясь пред Крестом, вынесенным на середину храма», вспомнить о том, что без жертвы нельзя вернуть России христианский дух и христианский облик». Здесь письмо Солженицына почти буквально совпадает со словами уже упоминавшейся проповеди о. Александра Шмемана: «Вынося крест, поклоняясь ему, целуя его, вспомним... о кресте как о выборе. О выборе, от которого всё зависит в мире и без которого всё в мире — торжество тьмы и зла».

Все герои «Красного Колеса», сознательно или неосознанно, стоят перед этим выбором. И некоторые выбирают крест — путь самопожертвования во имя любви к Богу и ближнему. Вера Воротынцева заставляет себя отказать любимому человеку, чтобы не причинить горя другой женщине и ее ребенку. «Крест? Крест. Нести крест!» — решает она. Николай II видит в своей царской власти «Крест Господен». А после ареста он со смирением принимает все посыпавшиеся на него оскорбления: «Да будет воля Божья над нами! Записал так в дневник, и после восклицательного поставил Крест». Такова последняя фраза, сказанная в «Красном Колесе» об этом персонаже: Крест Христов завершает, венчает собой его романную жизнь, словно перечеркивая все его ошибки. Крестом завершается и совершенно другая сюжетная линия — история провинциального мальчика Юрика Харитоновича. Чувствуя, что революция несет с собой всеобщую нравственную порчу, он призывает своего такого же юного товарища: «А давай поклянемся друг другу, что вот мы — будем против всякой мерзости биться!». И мальчики дают такую безмолвную клятву — соединяют свои руки: «правую с правой, левую с левой, крест-накрест».

Но большинство персонажей «Красного Колеса» отказывается от креста — иногда в прямом смысле слова. Напротив, солдаты сдают в поддержку рево-

люции свои георгиевские кресты — боевые награды, «принятые когда-то пере-крестясь». А главное, множество людей из самых разных общественных слоев вдруг осознает себя свободными от любого долга. Не жертвенность, но стремление к власти или к легкой, необременительной жизни определяет их поведение. Этот коллективный, почти всеобщий отказ от Креста писатель считает самой главной, самой глубокой причиной всего случившегося с Россией в XX веке.

Но кара Божия — лишь грань Божьего милосердия. Об этом напоминает такой документальный, а вместе с тем символический эпизод «Марта Семнадцатого». Когда толпа достигла казарм Измайловского полка (чтобы и там убивать верных присяге военных), измайловцы как раз выходили оттуда с другой стороны — «на подкрепление правительственным войскам. И успели уйти. Разделил тех и других — массивный широкий темный в ночи Троицко-Измайловский собор».

Уцелевшие очевидцы уверяли потом, что в окружной темноте крест на куполе необычайно светился. И кто замечал — снимали шапки и крестились».

Этот необъяснимый свет ещё раз напоминает людям о спасительной силе Креста. И всеобщая с выносом Креста говорит о том, что после всех земных победителей победит Христос. Падающая на колени перед увитым цветами Крестом, все собравшиеся в храме прославляют его песнопением, и голоса их звучат «взмывающей земной силой». Земля в эти минуты взмывает к небу. «Это была — как волна, покрывающая всех тут и до того цельная, что как будто она и перенесла Крест по воздуху, не роняя, — на аналой посреди храма».

Нет, не волна, а соединяющая сила, которую действительно ничто на Земле не может сломить.

- Кресту-у-у Твоему-у-у по-кло-ня-ем-ся, Влады-ыко-о!

И падал весь храм в едином земном поклоне — и снова вставал. И снова по-бедно —

- Кресту-у-у... (...)

Твоим Крестом разрушится смерти держава».

Последняя фраза завершает всю главу, что придает ей значение смыслового итога. Она говорит прежде всего о буквальной победе Христа над смертью, о Его воскресении как залого воскресения всех умерших. «Мощный голос дьякона» читает во время всеобщей: «...Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых...». «Ещё не знали...» — повторяет вслед за ним автор. Не знали и те, кто молился за той всеобщей, что наступает владычество безбожников, которое будет держаться на крови и костях, а потому с полным правом может именоваться «державой смерти». Но и эту державу в конце концов разрушит Господь.

Беседа во время перерыва

ЭТОТ ГОД БЫЛ ГОДОМ ВЫБОРА ДЛЯ МНОГИХ

Из слова священника Георгия Кочеткова, ректора Свято-Филаретовского института, после новогоднего молебна

Вот, дорогие братья и сестры, завершается 2003 год. Казалось бы, совсем немного времени прошло с тех пор, как мы с вами разменяли целое тысячелетие, столетие, десятилетие - и вот уже три года. Три года в жизни взрослого человека - это совсем немало, в жизни ребенка - еще больше. Есть люди, которые за три года могут завершить все ценное, ради чего они живут. Давайте же посмотрим, что это был за год, для того, чтобы нам, подводя небольшие предварительные итоги, подготовиться к следующему.

Этот год был непростым. Много было радостей, но были и скорби, и потери - потери, которые невозможны, которые если и восполняются, то на Небесах. Потери значительные, серьезные, и в их числе - тяжелые болезни людей, от жизни и деятельности которых зависит многое, прежде всего в церкви. Среди потерь никак нельзя не упомянуть потерю дорогих и близких нам людей. Началась эта тяжелых болезней прежде всего с болезни Сергея Сергеевича Аверинцева, потом еще, еще, еще - вплоть до последнего дня этого года.

Болезнь Сергея Сергеевича означает, что более нет сейчас в нашей стране того символа, который являл бы собою высшие достижения культуры и науки в их христианском преломлении. Это очень опасно, дорогие братья и сестры, это - симптом, ибо, действительно, сейчас интеллигенция и молодежь все больше отходят от церкви, они все более теряют последнее доверие к ней. Остаются, как и прежде, лишь те, от кого мало что зависит в судьбах людей и народов, в судьбах истории. Нам нужно к этому присмотреться и прислушаться. Почему большинство современных ученых и современных молодых людей предпочитают не быть христианами - а если приходят к христианству, то стараются не входить в православную церковь, а если приходят в православие, то в последнюю очередь - в Русскую православную церковь? Почему народ отвернулся от церкви так быстро, так скоро? Наверное, здесь нужно подумать прежде всего о том, чего мы

не делаем для того, чтобы было нечто иное в церковной жизни, как и о том, что мы должны делать, чтобы было нечто иное. Нельзя все сваливать на иерархов, на видных людей, мы всегда должны что-то спросить прежде себя...

И все-таки нам есть за что благодарить Бога в прошедшем году. Я сейчас вспоминаю его и мне кажется, что это не год, а целая череда лет. Трудно себе представить, что, скажем, моя июньская поездка в Нижний Новгород на симпозиум, посвященный диалогу культур и вер в третьем тысячелетии была всего лишь полгода назад, в июне. Мне вспоминается и многое другое - паломничества, поездки, пятнадцатилетие нашего Свято-Филаретовского института, десятилетие начала открытых внутрицерковных гонений на братство... Мы многое в связи с этими датами вспоминали и всегда старались сделать выводы из событий прошлого, и поэтому этот год ознаменовался двумя замечательными, очень важными для нас братскими встречами - на Сретение и на Преображение.

Кроме того, за прошедший год мы с вами стали внутренне собираться и начали понимать, что наше братство - это не просто что-то лишь для нас, а ради Бога что-то и от нас. Мы стали лучше понимать и то, что Господь дает нам разумение, и мудрость, и способности, и силу, и терпение, чтобы все трудности преодолеть и чтобы все искушения обратились нам на пользу и тем самым чтобы мы стали более искусными. Ведь совсем не для того даны нам наша вера и благодать, чтобы в нашей жизни не было проблем, чтобы мы в жизни катались, как сыр в масле. Конечно, еще многие и многие братья и сестры воспринимают христианство по старинке, как нечто данное Богом для себя, для своего индивидуального существования - чтобы лучше было в семье, меньше было болезней, чтобы лучше было на работе, больше было доходов и вообще чтобы все было "жирнее и гуще". Но всем, я думаю, даже им самим, уже стало ясно, что такое христианство - это христианство, лишенное

силы, это "соль обаянная", которая никому пользы не приносит. Ее можно лишь выбросить вон на погребение людям, что и произошло в последние столетия с христианством по всему миру - и с православием, и с католичеством, и с протестантизмом.

Этот год был годом выбора для многих. Или я со Христом - или с самим собой, и со всеми своими удовольствиями и выгодами и со своим честолюбием. Да, еще не все окончательно ответили себе на этот вопрос, но все-таки этот вопрос встал всерьез во всех братствах нашего Содружества, и это - благо. Мне кажется, что этот год напомнил нам старую притчу - лучше меньше, да лучше, т.е. пусть лучше в каждом братстве будут не сотни человек и в Содружестве - не тысячи и тысячи, но зато пусть это будут реальные, а не номинальные христиане, не те, которые не слушают Бога и слушать Его не хотят.

Многие и многие тенденции, распространяющиеся и на будущее, ярко проявили себя в этом году. Внутри церкви, и не только в общинно-братском движении, стали появляться какие-то обнадёживающие признаки. Нам в этом году было легче дышать. Нас уже не давили, не душили за горло - хотя и не жаловали, по головке не гладили, но, во всяком случае, этот год мы прожили относительно спокойно. Думаю даже, что все, что не сделано в этом году, не сделано прежде всего по нашим собственным грехам и недостаткам.

Нам удалось что-то хорошее издать в этом году. Вышли несколько очень важных, весомых книг, которые раньше были совершенно недоступны в России, да и вообще для русскоязычного читателя. Я имею в виду книги о. Николая Афанасьева и Павла Евдокимова, а также материалы ряда наших конференций.

В этом году открылись Богословские курсы в братствах Содружества. И это в наше-то время, когда духовное просвещение отнюдь не в моде, когда оно не дает людям никакой выгоды, скорее наоборот - требует от них большого напря-

жения, затрат сил и средств. И есть надежда, что люди, начавшие этот путь обучения, придут со временем и в Свято-Филаретовский институт, поняв, что ничего в себе не исправишь, если не будешь знать, как это делается по церковной традиции - по традиции святых отцов, Священного писания и всех тех людей, через которых вешает Бог.

Итак, прошедший год заронил семена надежды на лучшее в будущем, но и он же многое у нас отнял. Это означает, что теперь мы должны трудиться ради Господа в два раза больше. Мы должны в два раза лучше служить Христу, иначе мы не умножим данный нам талант. История всегда строится так: или ты исполняешь волю Божию и к твоему таланту прикладываются еще новые таланты, или ты этого не делаешь и у тебя отнимается то, что имеешь. Времени нашей жизни в той свободе, которую даровал нам Господь, очень невелико. Нам нужно очень многое успеть сделать.

Давайте же, дорогие братья и сестры, спокойно смотреть в будущее. Это возможно все при том же одном условии: если мы будем трудиться ради Христа, а не тратить данные нам Богом дары на себя и на свое. У нас сейчас есть все возможности для того, чтобы проживать время нашей земной жизни во благо, плодотворно, непрестанно обретая благодать, радуясь и благодаря.

Давайте же жить в единстве со Христом и друг с другом, давайте жить бескорыстно, просто и в то же время разумно, мудро, ответственно и целостно.

Давайте поддерживать друг друга во всем, что касается этой главной нашей задачи и давайте не поддерживать ничего греховного, двусмысленного, противоречащего Божьей воле.

Давайте жить духом братолюбия и духом общения, чтобы всякий, приходящий в Церковь Божию, мог, как в древности, услышать: "Пойди и посмотри, как они любят друг друга". Услышать это и это же подтвердить.

Аминь.

НА НЕБЕСАХ УЖЕ ЕСТЬ НЕБОЛЬШОЕ БРАТСТВО

Слово после отпевания Евгении Кузьминичны Кочетковой 31 декабря 2003 г.

Дорогие братья и сестры!

Когда мы стоим перед этим гробом, мы думаем, наверное, больше всего о том, какой смысл и какой урок мы можем извлечь из того, что мы слышим и видим. Для верующего человека ничто не происходит бессмысленно, ничто не уходит безвозвратно. Мы хотели бы, наверное, чтобы безвозвратно уходили от нас только грехи после покаяния.

Господь учит нас каждый день. Сейчас, перед этим гробом, можно сказать лишь несколько слов о том, что это значит. Мы часто молимся о том, чтобы наша христианская кончина была «безболезненной, непостыдной и мирной». И, действительно, у Евгении была такая кончина. Безболезненная - насколько вообще приближающаяся кончина для человека, понимающего, что с ним происходит, может быть безболезненной. Последними ее словами неслучайно были лишь два слова: «Слава Богу». Она

отошла от нас мирно и непостыдно, ни на кого не держа зла, ни на кого не обижаясь и не желая никого обижать. Она примирилась со всеми как могла.

Всю жизнь она старалась жить по совести и за это обрела особую милость Божию - не в том смысле, что у нее не было нужды в покаянии, а в том, что человек с Божьей помощью делал все, что мог.

Жизнь мамы состояла как бы из двух неравных частей. Первые ровно пятьдесят лет - до прихода всерьез ее к вере, в Церковь, и потом - тридцать один год еще. Это были как бы две жизни, и их можно сравнивать. Она сама часто говорила: «Жаль, что я так поздно пришла к вере. Как много было бы иначе - и в моей семье, и в моей жизни».

Да, она никогда, никогда не вступала ни в какие партии, хотя работала всю жизнь в аппарате Совмина СССР - в том учреждении, где было большое идеологическое давление. Но она находила возможность поступать по совести и там - и тогда, когда (еще до ее веры) нужно было уйти от идеологического давления, и потом, когда ей нужно было пойти в храм в рабочее время, но так, чтобы на следующий день не оказаться на улице.

У нее было особое служение - достойное, надо сказать, служение! - *служение сбережения*. Она не могла в силу своего возраста и здоровья и некоторых других причин брать на себя слишком много. Она старалась сберечь то, что мы все имели, что приобреталось в Господе, в Церкви - и ради Господа, и ради Церкви. Она разделяла с нами еще в те, советские, годы все радости и горести, когда были одни, другие, третьи гонения, все нарастающие и нарастающие, четвертые гонения, пятые. Она всегда старалась не навредить и уберечь. Если бы не ее мудрые советы и помощь, не знаю, что было бы сейчас со мной и со многими из нас.

Особенно тогда, в восемьдесят третьем году, когда известные компетентные органы позаботились о том, чтобы убрать меня с некоторыми другими студентами с последнего курса духовной академии. Тогда она сделала все, чтобы нам можно было сохранить и жизнь, и свободу, и даже то дело, которое мы делали, которое, может быть, она сама напрямую делать не могла, но за которое переживала, которым сама старалась жить.

Две жизни! Вторую жизнь Господь ей как бы подарил. К пятидесяти годам жизни вне Церкви, вне Бога, или почти вне Бога, здоровье у нее было настолько разрушено, что, казалось, она не доживет до пенсии, до пятидесяти пяти, но вот, став христианкой, она получила новую силу. Старые болезни все больше и больше отходили от нее, а не наступали, как это естественно бывает в жизни людей на земле. Вторая жизнь была даром, за что - Бог знает.

Всю свою жизнь мама любила правду. Даже тогда, когда по существу была еще неверующей. Она старалась ее высказать, хотя за это ей могли грозить и немалые неприятности.

Она умела делать выводы из уроков жизни. И пусть иногда она в своих выводах ошибалась, как это обычно для людей на земле, но она никогда свою правду не предавала.

Это правдолюбие стало ее богатством, которое она копила всю жизнь не просто на земле, но на Небе, которое и войдет вместе с ней в то Небесное царство, где не женятся и не выходят замуж, но пребывают как ангелы на небесах в неких духовных телах.

Мы знаем, что с мамой было легко молиться, с ней было легко общаться, несмотря на ее не всегда простой человеческий характер. Она не обижалась и легко всех прощала. И этому тоже мож-

но лишь удивляться. Может быть и за это все последние дни и часы Господь показывает Свои знамения, показывает знаки Своей милости к ней.

Не всегда так бывает, дорогие братья и сестры. Это лучше всех знают священники, которым часто приходится отпевать людей верных или считающих себя верными. Иногда за людей бывает тяжело молиться, иногда почти невозможно. А вот за Евгению и с Евгенией молиться можно было всегда. Она сама готова была к этому в любое время дня и ночи. Если кто-то проявлял хоть малую инициативу, она никогда не говорила: «Я устала, я не могу, я больна».

Она была поистине братским человеком и человеком, жаждущим подлинной семейно-общинной церковной жизни. Поэтому она часто была нами недовольна. Ей хотелось большего - больше, чем то, что мы имеем, и это нормально - нельзя останавливаться на пути приближения к Богу, к той любви к Богу и ближнему, которую заповедал нам Господь.

Дай же Бог всем нам такой ревности по правде и по Божьему миру. «Блаженны алчущие и жаждущие правды», - сказал Господь, и еще: «блаженны миротворцы».

Надеюсь, что мы будем помнить ее - не только родные по крови и плоти, но и родные по духу. Надеюсь, что, как сказал сегодня о. Игорь, на Небесах уже есть небольшая община и небольшое братство, которое имеет свое служение - молиться за здесь пребывающих, за всех нас. Я верю, что мама будет в этом братстве у престола Всевышнего, у престола Божьего рядом со Христом молить за нас, уча нас всему доброму, всему тому хорошему, что ей удалось накопить здесь на Земле как неистлевающее небесное богатство.

Аминь.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ
ИТОГИ

На вопрос «Каковы важнейшие события 2003 года?» отвечают:

Архимандрит
Ианнуарий
(Иванов),
профессор
СПбДА:

Из прошлогодних событий всемирного значения я бы назвал, во-первых, войну в Ираке. Второе, что приходит в голову, это недавно произошедшее землетрясение в Иране, в несколько мгновений разрушившее древний город и унесшее десятки тысяч жизней. Они, по мнению некоторых, несопоставимы: война и природная катастрофа. Первое - дело рук человеческих, а для второго, не погружаясь в абстрактный догматизм, найти человеческую причину трудно. Но событие есть событие, чем бы оно ни было вызвано.

Священник
Георгий
Кочетков,
ректор СФИ:

В Преображенском содружестве важнейшими событиями года были: Сретенская встреча, во время которой совершалась литургия для членов братства по благословению епархиального архиерея; пятнадцатилетие Свято-Филаретовского института; конференция этого года, где, несмотря на отсутствие некоторых крупнейших ученых, всегда в ней участвовавших, удалось очень серьезно поставить вопрос о диалоге в церкви. Мне не кажется, что сама конференция была услышана многими в церкви и в обществе, но можно опубликовать ее материалы, и тогда этот вопрос встанет.

В Русской православной церкви такими событиями можно считать: перестановки в верхнем эшелоне иерархии; смерть митрополита Антония (Блума); то, что удалось сдвинуть с мертвой точки ситуацию с карловчанам (см. с.2 - ред.).

Самое значительное, что происходило в этом году в обществе: отсутствие резких перемен, стабилизация. Было ясно, что будет тот же мэр - и так и стало, будет та же дума - так и случилось. Уже сейчас ясно, что будет тот же президент. Тот же патриарх... Во всяком случае, в ближайшие четыре года. Потом наступят изменения.

Протоиерей
Павел Адельгейм:
П о л у ч и л
Вашу просьбу,
но не знаю,
что ответить.
Не заметил в
этом году ни-
каких интерес-
ных событий.

Единственное событие, оставшееся в памяти - ваша конференция о диалоге в Церкви, заставившая меня активно поработать.

Сергей Юрский,
народный артист
России:

Если не говорить о личном и не давать оценок, то совершенно очевидно, что три основных события года - это:

- война в Ираке
- выборы в Госдуму в декабре
- чтение мною книги В. Жаботинского "Самсон Назорей".

ПОД ЗАПАДНОЕ РОЖДЕСТВО В АРХАНГЕЛЬСКЕ РУГАЛИ СЕКТАНТОВ

"И когда мы узнавали, что сегодня - Пасха, то все мы, христиане, объединились и пели: "Христос воскрес!". Пели так, что, кажется, и океан торжествовал, и тайга, и все животные, которые обитали там. Вот это нас объединяло, и мы не задумывались тогда, кто ты: православный христианин, католик или баптист. Вот было единство, великое единство! В самых тяжёлых испытаниях, в болезнях, работах и в огне".

Священник Иоанн Конюхов, исповедник Русской Православной Церкви. Из лагерных воспоминаний

"Когда я был хиппи и видел на улице другого такого же, мы искренне радовались друг другу. Сегодня же, когда на улице встречаются двое православных, они чаще всего прячут друг от друга глаза..."

Мысли церковного человека нашего времени.

Так получается в России, удивительной стране, что Рождество здесь - праздник двойной, знаменующий собой начало и окончание новогодних торжеств. Открывает их Западное Рождество, завершает - Восточное. Кажется, и радости может быть больше вдвойне? Только вот христиане одной конфессии сегодня почему-то не празднуют Рождение Христа вместе с христианами другой.

Более того: несколько странной традицией в России становится обычай в последних числах декабря, как раз под Рождество по Западному стилю, устраивать семинары и конференции, косвенно говорящие о насилии и агрессии Запада по отношению к России и русскому народу. Кстати, часто эти собрания проводятся на западные же деньги. Не стал исключением из этого ряда и недавний декабрьский семинар "Основы духовной безопасности: противостояние воздействию тоталитарных сект и наркоагрессии", прошедший в Архангельске, на базе Медицинского Университета. Мы не будем говорить здесь о нескольких странном сочетании слов "духовная" и "безопасность" - подлинная духовная жизнь всегда опасна, потому что свободна, высока и ответственна.

Ну, хорошо, духовная безопасность так духовная безопасность. Что тогда можно понять под этим определением? Наверное, подразумевается мирный дух, христианское милосердие и строгая правда. Однако, что могли видеть и слышать

люди, пришедшие на семинар? Подозрительность, а то и прямую агрессию некоторых выступавших по отношению к деятельности новых религиозных движений. Никто не спорит о разрушительном действии тоталитарных сект, которые на западе принято называть деструктивными, но возникают два попутных вопроса: почему устроители смеялись едва ли не всё, что не православно, и назвали тоталитарными сектами, и почему христиане на случай действительной агрессии отвечают тем же?

Кстати, о пришедших на семинар. Заметно, что устроители его проявляют заботу о нашем обществе: подобные собрания проходят в университетах Архангельска с регулярностью раз в полгода. Ясно, что преподаватели и студенты, которых усиленно собирают на них, получают некоторое представление о современной религиозной жизни и смогут это донести до других людей: коллег, воспитанников, друзей. И у медиков, и у педагогов таковых наберётся немало число. Только вот какое это будет мнение и впечатление? Что они услышат и увидят? О чём им скажет с кафедры человек, испытывающий к иноверным нетерпимость, переходящую едва ли не в ненависть? К тому же, если в речи такого "агитатора за православие" свидетельство о Христе бывает очень редким? Вопрос остаётся открытым.

Основная опасность, исходящая от деятельности тоталитарных сект - установление тотального, то есть полного, всеобъемлющего контроля над их последователями со стороны сектантов. Наглядные иллюстрации тотального слежения мы помним из недавнего прошлого нашей страны, думается, комментарии здесь излишни. Именно поэтому для наших сограждан тоталитаризм опасен вдвойне - противодействие ещё не выработалось и не укрепилось в нас. То и дело по старой привычке хочется, чтобы о тебе кто-то "чутко" заботился. Чтобы за тебя кто-нибудь думал, выбирал, решал, едва ли не говорил и жил.... Это опасно, и тоже рождает вопросы.

Первый: почему членам традиционных конфессий так хочется иногда огрывать своих потенциальных адептов от опасного, но самостоятельного выбора? Да, нашим современникам необходимо много знать, в том числе и о деятельности сект, дабы не быть однажды жестоко обманутыми. Но решать и выбирать нужно самим. И тогда назва-

ния типа: "духовная безопасность", "национальная безопасность" звучат как-то подозрительно знакомо с некогда бывшим комитетом безопасности....

Второй вопрос: для чего ругать сектантов? Первый ответ, который легко найти: зло необходимо обличать. Это верно. Рост числа разрушительных сект, постоянное увеличение количества их приверженцев, растущее влияние на наше общество и на весь мир - серьёзная опасность, которую сегодня никак нельзя недооценивать. Но посмотрим, что могло послужить причиной неуклонного роста последователей нетрадиционных религиозных практик в наши дни? Общая неустроенность, отсутствие привычных условий жизни, резкие социальные и экономические реформы? Да. Но эти же причины могли бы помочь и помогли христианским миссионерам в собирании народа Божьего. При одном условии: что эти миссионеры были и что в церкви была заинтересованность в людях, как таковых.

А что получается в реальной жизни? Люди, приходящие в православные храмы, почти никогда в них не остаются надолго. Сколь угодно известно примеров, когда человек ищет правды, истины, Бога, ищет выхода из тупика своей жизни, с ним не часто кто-то из православных хочет общаться. И тогда человек идёт... к тем, кто его примет, кто им заинтересуется. Часто - как раз в руки к сектантам. Что бывает потом? Кто-то может быть уже навсегда потерян для нормальной жизни. Кого-то удаётся вернуть, вывести из тяжёлой зависимости. И вот здесь вновь вступают в действие "господа секторугатели". Собираются семинары, форумы, привлекается общественность, поднимается шум.... Да, конечно, на средства общественных фондов могут создаваться реабилитационные центры.

Отвечая на заданные вопросы, один из выступавших, иеромонах Анатолий (Берестов), сказал, что Православная Церковь и виновата, и не виновата в создавшейся ситуации. По его словам, церковь оказалась не готова к суровым условиям нашего времени. Жаль, но слова о неготовности к миссионерскому и катехизаторскому служению, вот уже более десяти лет звучащие в России, звучат не оправданием, но обвинением в адрес церкви.

Никита Поликарпов
25 декабря 2003 года, Архангельск

АКТИВИЗИРУЕТ ЛИ СБЛИЖЕНИЕ РПЦ С РПЦЗ ФУНДАМЕНТАЛИСТОВ...

начало - на стр. 2

него патриарха, когда рушился коммунистический монолит и церковь оказывалась совершенно свободной. На мой взгляд, церковь у нас была совершенно свободна при монголах, при Временном правительстве и при первом президентстве Ельцина. Вот тогда можно было очень много творить и импровизировать. Но вы к нам не пришли тогда. И у нас движение пошло вроде бы верно, но настолько медленно, настолько извилисто, что сейчас нельзя сказать, что наша приходская жизнь, общинная жизнь значительно активизировалась. Согласитесь, что у нас есть активные приходы, которые все-таки не разгоняют власти за то, что там есть какая-то приходская община. Но эти приходы вряд ли составляют даже 1-2 % от общего числа приходов.

"Кифа": У нас зато монастыри под-держивают, а не общины...

- Да, проблема монастырей для РПЦЗ очень большая. Но заслугой зарубежников является то, что они оказались единственной русской церковной юрисдикцией за границей, где есть какая-то реальная монастырская жизнь. Это признают все - и Американская автокефальная церковь, и еволиане.

"Кифа": У нас-то была взята линия на организацию именно монастырей. Причем иногда даже доходило до коллизий - чтобы создать монастырь реальная живая община должна была "освободить помещение", которое сама же открывала и благоуустраивала.

- У нас было две серьезных ошибки. Это наряду с созданием монастырей даже там, где никаких условий для этого не

было, аналогичное создание семинарий. В результате у нас появилось весьма много весьма условных монастырей и семинарий, которые не являются ни монастырями, ни семинариями в полном смысле слова. Я могу на примере образования это констатировать. Сейчас усилия Учебного комитета направлены на то, чтобы наши комиссии, которые ездят и дают аккредитацию духовным семинариям, крайне редко это делали. Сейчас этому процессу решили положить конец.

"Кифа": Что это для них значит - реализовывать решения собора?

- Активизировать приходские общины.

"Кифа": Т.е. местная соборность в первую очередь?

- Конечно, при том, что у них пятнадцать епископов - им легко проводить свои соборы. Они проводят архиерейские соборы достаточно часто. Епископ вынужден постоянно считаться с этими приходскими общинами. Он постоянно в контакте с ними работает. Поэтому на уровне епархиальном его общение с духовенством формализованное или неформализованное - это составная часть их жизни. Он просто не рискнет идти против мнения большинства своих священников и мирян.

А на самом деле это как раз облегчает и положение самого епископа. Ему не нужно брать бремя лишней ответственности. Нам нужно найти механизм переходного периода, когда постепенно приходы, братства научались бы брать на себя ответственность.

"Кифа": Они информированы о конфликтных ситуациях в нашей церкви?

- Думаю, что нет. Я от них ничего не слышал, в частности, про историю с о. Георгием Кочетковым, может быть, потому что для них о. Георгий Кочетков "модернист", "обновленец", но эта тема не звучала.

"Кифа": РПЦЗ существует, грубо говоря, до возможного Поместного собора?

- Да, в котором их представители примут участие.

"Кифа": Но сейчас, после Архиерейского собора 2000 года, возможность проведения такого Поместного собора крайне мала.

- Они готовы к тому, что это мог бы быть архиерейский собор, не обязательно поместный.

"Кифа": Они на этом не настаивают?

- Не настаивают. Другое дело, что у них вообще вопрос о каком-то административно-каноническом объединении считают вопросом, который будет подлежать обсуждению еще очень не скоро. Сейчас все упирается в одно - восстановление евхаристического общения. Для них это реальная проблема. У них ведь только с Иерусалимским патриархатом такое общение сохраняется.

"Кифа": Это реально в ближайшее время?

- Я не думаю, что визит митрополита Лавра восстановит это общение. Мы уже перешли со стадии ознакомления друг с другом к стадии каких-то деловых переговоров, но это только начало.

Вопросы задавал Александр БУРОВ

Я хочу начать с извинения: быть может, это первый раз, когда мне приходится всерьез говорить о прозе. Насколько привычно для меня думать и рассуждать о поэзии, настолько непривычна проза. Об общих различиях двух этих родов словесности здесь не место говорить, но стоит вспомнить хотя бы замечание Романа Якобсона, сравнившего прозу поэтов с походкой горца, который идет по равнине. Проза поэта такова - он привык исполнять другие условия, чем прозаик, учитывая другие ограничения и другие возможности - и то, что в соприродной ему среде, на узкой и опасной тропе представляет собой ловкость и изящество, на равнине выглядит нелепо или манерно. Так вот, единственный род прозы, о котором мне приходилось говорить, это именно проза поэтов.

Разговор о "настоящей прозе" я начну со слов академика Алексея Федоровича Лосева (насколько я знаю, нигде еще не опубликованных и неизвестных слов; их записал Владимир Вениаминович Библихин, в то время секретарь Лосева). Лосев делился своими мыслями с Библихиным после того, как он слушал по радио "Август 14-го" (и не спал всю ночь после это-

типа приучала нас так читать классику - в социальных обобщениях: тип лишнего человека, тип маленького человека и т.д. Но, на самом деле, конечно, сами писатели так не думали. Мера и способ этого обобщения, историко-социологического, совершенно не соответствуют непосредственной реальности классической литературы. Ну предпологал ли Пушкин, например, что он изображает "дворянский тип 30-х годов XIX века" в Онегине? Или что он изображает "крепостную Россию"? Думаю, что нет. Пушкин изображал просто "добраго приятеля", потому что не "дворянских" приятелей у него и быть не могло, и просто Россию, потому что никакой другой России он не знал.

Но, если русский художник XX века не знает, что он изображает советскую Россию, если художник в Германии 30-х годов не опознает, что он участник особой истории, особой - гитлеровской - Германии, то вряд ли он достойный свидетель времени, и вряд ли он полноценный художник и доброкачественный мыслитель. Социальная история стала стихией, которая захватила частную жизнь человека: нет, не только частную, но и публичную жизнь,

она претендует на некоторую позитивность. Она выдвигает ценности, ради которых человек должен пожертвовать собой и своим. Тогда как герой экзистенциализма, "посторонний" и себе самому и всему вне его, социальный человек Европы - у него нет никакой "положительной" программы, он как будто ничему и не служит, и не должен служить. Довольно трудно определить, что собственно составляет эту стихию, пожирающую личность, которую называют *das Mensch, l'on* и др.. Русским соответствием здесь было бы слово "люди" в определенном употреблении: "как у людей", "что люди скажут". Во всяком случае, позитивной, идеологической программы у этих "людей" нет.

Так вот, мне хотелось бы как раз на примере моей любимой вещи Солженицына (может быть, потому что она, как мне кажется, среди всех его трудов ближе к поэзии) и обнаружить вот это самое новое зрение, "тайнозрение социального". Здесь, в самом близком классическом письме, это представляется труднее всего - и интереснее всего. "Случай на станции Кочетовка" - великолепно исполненный канон новеллы

судьба света. В не-катастрофическое время каким образом могли бы сойтись два протагониста "Случая", юный лейтенант Вася Зотов, откуда-то из северной глуши (как говорит его оканье), и столичный актер Игорь Дементьевич Тверитинов, встретивший революцию 25-летним человеком? При чем встретиться так, что судьба одного целиком зависит от другого?

Итак, перед нами новеллистическая экспозиция - сцена, на которой случай всеислен. Случай пересекает барьеры всех обычных разграничений: социальных, географических и т.д.. Это повествование о непредвиденной событийности жизни, о непредсказуемой фатальности: что-то происходит случайно, но навсегда. Как говорит Тверитинов свои последние слова, "это-го не исправишь". И за всей этой детально, очень детально, натуралистично прописанной сценой мы чувствуем мифический фон. Этот мифический фон прежде всего выражает погода: косой ливень, тяжелый ветер, который всегда говорит о приближении какого-то необычайного, значительного события.

И вот здесь-то как раз, в этой близости к классическому канону, особенно ясно видно то сво-

мы. И сам главный герой, лейтенант Зотов, и все его отношения с остальными персонажами "Случая" имеют в себе это социальное измерение. Среди всех только он целиком усвоил инструкции, которые ему даны. Все остальные окружающие их не усвоили (как старик Кордыбайло) или усвоили слабо. Они должны были бы быть такими, как Зотов, но они такими не стали. Он действительно новый человек - не по долгу, не по корысти, а от всей души. Замечательны его слова: "Уцелеть для себя - не имело смысла". Зотов написан внимательно и без предвзятого осуждения. В его отношениях с другими персонажами сочувствие читателя чаще всего будет на его стороне, потому что эти недоработанные, необработанные люди - они явно корыстны, мелки и т.д., и только он целиком принадлежит некоей высшей сфере. Особенно это видно в его истории отношений с беженкой Полиной ("Полину, ребенка ее и мать он полюбил так, как вне беды люди любить не умеют").

И, как всякий социальный человек, он запрограммирован на катастрофу, на крушение, на невинное злодеяние, на то, чтобы "не ведать, что творишь". Ка-

МАЛЕНЬКИЙ ШЕДЕВР: "СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ КОЧЕТОВКА"

Доклад Ольги СЕДАКОВОЙ на конференции "Александр Солженицын: проблемы художественного творчества"

го): "Постой, я тебе еще вот что скажу - Мережковский в книге "Толстой и Достоевский" пишет, что Толстой гениален в изображении страстей тела, а Достоевский в изображении страстей души и ума. А вот это уже я, Лосев, говорю: Солженицын гениально изображает страсти социальные. И в этом ему, конечно, помогает его время, такое ужасное".

Как все помнят, у Мережковского это несколько иначе выражено, он говорит: "Тайнозритель плоти - Толстой. Тайнозритель духа - Достоевский". И продолжая Мережковского, мы можем сказать, что Солженицын - тайнозритель социального и исторического. Историческое поскольку оно социально. Мне слова Лосева представляются много глубже, чем это может показаться из их нарочитой простоватости - характерной вызывающей простоты Лосева. Мне кажется, что здесь есть очень важный ключ к пониманию Солженицына-писателя - и даже Солженицына-критика (литературного критика). Ведь то недовольство предшественниками, которое мы часто слышим в литературной критике Солженицына, можно связать именно с этим: с тем, что стихия социального и исторического, впервые так цельно выраженная в его "художественных исследованиях", никогда прежде не являлась в такой очевидности, никогда не была осознана таким образом, никогда не была предметом художника.

Критика определенного

умственную, профессиональную жизнь. Сказать точнее - история встала между человеком и его жизнью, между ним и его же мыслью, и частной и публичной. К каждой теме - хотя бы, допустим, к исследованию Плутарха (как вы понимаете, я вспоминаю первую работу Сергея Сергеевича Аверинцева) - можно стало пройти только через эту среду, иначе даже простое историческое и филологическое исследование самых удаленных предметов стало бы ложным и бессмысленным. Этот переворот совершило время, которое Лосев называет "таким ужасным" - время Солженицына.

Нужно заметить, что в это же самое время, в XX веке, и в европейской мысли появилась тема этого преобладающего вездесущего социального. Экзистенциалистская тема расчленованного человека, анонимного человека, находящегося во власти некоей надчеловеческой социальной силы, на фрейдеском языке - безличного "супер-эго" в психике каждого. Но тут даже не приходится сравнивать Солженицына с его европейскими современниками: это совсем другая и по-другому понятая социальность, и, соответственно, совсем другие выводы делаются из ее "тайнозрения". Естественно, сама реальность социального, с которой имеют дело Камю и Солженицын, несколько разная. Социальность Солженицына - это идейно, квазирелигиозно обоснованная социальность, в ней есть некоторая позитивность: во всяком случае

(вообще говоря, целого пучка новелл, но большинство ответвлений сюжета проходит побочно, между делом). В этом повествование - я помню свое первое, еще школьное чтение, - веет лермонтовской "Таманью". Нам рассказывают некий случай, который произошел в случайном месте, одинаково чужом для действующих лиц. Все они оторваны от родных, все они странники. Место действия - узловая железнодорожная станция - это не место обитания, это пункт следования, который все минуют, благополучно или нет. Но больше того, сама земля в это время - переходящая из рук в руки, и неизвестно в чьих руках находящаяся в момент повествования - это тоже не место обитания. Это место наступления или отступления. Тема бездомности, всеобщей снятости с мест, "карусели", как говорит герой повествования, доведена до фантастического напряжения, при этом совершенно реалистически мотивирована. Можно отметить, что такое место и время - классическое для новеллы, это ее месторождение. Вспомним, что классическая новелла возникает в чужом городе Боккаччо, когда где-то между жизнью и смертью встречаются выбитые из привычного героя, и начинают рассказывать занимательные истории.

Такое время-пространство, заметим - не только поле действия многообразных разрывов, которые очевидны, но и поле невероятных встреч. Таких встреч, о которых говорят -

образом Солженицына, которое, как я думаю, имел в виду Лосев. Мир, который мы здесь видим, мир, сошедший с рельс, говоря метафорически, а говоря прямо, продолжающий катить свои поезда по рельсам на Восток, сцеплять и расцеплять вагоны, перестраивать составы, - это мир социальный.

Что же такое социальное, о котором идет речь? Это предпринятость по возможности всего. Это данная человеку возможность избежать прямой встречи с жизнью и с самим собой. Социальный человек инстинктивно в идеале для любой ситуации. Он знает, он в принципе должен знать все необходимое о каждой вещи - и что это такое, и как с этим поступать. Вполне социальный человек ни перед чем не должен впасть в недоумение. Он должен уметь: а, это вот то-то; меня учили так-то; здесь я должен вести себя так-то. Искать выход из непредвиденной ситуации, из недоумения - в самом ли себе или где-то еще, в неведомом социальный человек не может. Не может, поскольку ничто кроме накрепко усвоенной инструкции не представляет для него авторитетной инстанции. Говоря совсем просто, социальный человек живет в завершеном мире, в мире, где происходит ничего не должно. Переводя все это на язык психологии, можно сказать, что окончательно социальный человек - невротик. Его отношения с миром и с собой - это хорошо защищенный невроз. Он-то и рекомендуется социальностью в качестве нор-

тастрофа приготовлена тем, что Зотов инстинктивно, но не осведомлен. Об этом своем страшном и беспомощном состоянии он только начинает догадываться. Его действительно инструктировали, но ни о чем не осведомили, от него утаили все необходимые сведения, начиная с того, куда и зачем идут поезда, которые он должен отправлять, где расположен враг, в чьих руках земля и т.д. Начиная с непосредственных условий работы, которую он должен исполнять, вся эта реальность от него утаена.

Повествование открывает масштаб его неосведомленности: он знает не знает, что значит тридцать седьмой год для таких людей, как его собеседник ("А что было в тридцать седьмом? Испанская война?"). Он не знает, что существует такая область жизни в его стране, как лагерь. Он не может представить - с чего начинается вся трагедия - каким образом его современник и соотечественник может не знать названия города Сталинград. Таких людей у нас просто нет и быть не может. Инструкция отвечает: это враг. Зотов обречен на свою роковую ошибку. Т.е., на самом деле, вот эта идеология или социальность в каждом отдавшемся ей человеку закладывает возможность такого крушения. Потому что когда-нибудь, при каком-то "случае", и это неизбежно, условное окружение, декорации, относительно которых он инстинктивно, рухнут, и из-за них явится нечто: явится настоящая реальность, о ко-

торой он ничего не знает - и, что страшнее, не умеет знать. Даже образ карусели, о которой он думает, глядя на предвоенные семейные фотографии Тверитинова ("и миллионы людей прокрутились в какой-то проклятой карусели - кто пешком из Литвы, кто поездом из Иркутска") - это не полный образ, из-за его неосведомленности. Он не знает (и роковым образом не может узнать), где были с Тверитиновым эти фотографии детей и жены (его самого на них нет). Зотов видит страшное перемешивание людей, местностей, которое несет с собой война. Он не знает того, что в это время сметается еще одна неприступная в мирное время граница: на воле появляются люди из заключения и становятся возможны такие странные встречи. От переживших то время все мы, я думаю, слышали рассказы о такого рода невероятных встречах в начале войны. И так, она происходит - и кончается плохо для обоих (что будет с Тверитиновым, гадать не приходится - "Раз-берутся и с вашим Тверитиновым. У нас брака не бывает", но и безмятежная эпоха жизни Зотова обрывается). Стало быть, это случай с дурным - и фатально предопределенным концом: таким образом, вовсе и не случай: антислучай.

Мне всегда хотелось понять, в чем состоит странное, и, посмею сказать, нездешнее величие этого маленького сочинения. Коллизию этой встречи можно очень легко трактовать реалистически: это встреча двух миров, которые не могут вступить в общение, "новый мир" не может узнать "старого", потому что он о нем просто ничего не знает. Он не знает, что такое бывает. Зотов пытается вспомнить, глядя на фотографии Тверитинова, что они ему напоминают. Но вспомнить ему почти нечего, во всяком случае, из своей жизни ему вспомнить нечего ("самому Зотову никогда не приходилось бывать в таких семьях"), он находит "мелкие засечки памяти" - театральные постановки, картины, книги. Характерно, что этот "новый" герой - человек без прошлого. Среди всех его размышлений нет никакого воспоминания о родных местах, о родителях, только об оставленной жене. Он как бы ниоткуда. Только его оканье позволяет заключить, из каких географических мест России он происходит. Он как бы вырос на совершенно новом месте - и встречает человека из старой жизни со всеми ее неизвестными ему ценностями и неизвестными ему привычками, "умным уютом". Зотов из лучших "новых людей": этот неведомый ему уют вызывает у него привязь, а не зависть - "классовое чувство", которое, по инструкции он должен был бы в таком случае испытывать.

Несомненно, такой реалистический план присутствует в "Случае на станции Кочетовка", но не он представляется мне самым существенным, не он сообщает то странное волнение, с которым мы остаемся после его чтения. Самым существенным мне представляется другое - и здесь, в попытке уяснить этот другой смысл я многим обязана размышлениям Анны Ильиничны Шмаиной-Великановой, с которой мы все это неоднократно обсуждали. Архисюжет этого сочинения может быть назван так: Посе-

щение. Это история Посещения. И если мы улавливаем этот пунктирно прописанный сюжет, мы читаем происшедшее иначе. Первое поэтическое воспоминание "Тамани" при чтении "Случая", о котором я говорила в начале, достаточно поверхностно. На самом деле то, что вспоминается здесь вполне серьезно, - это такие сюжеты, как толстовское "Чем люди живы?" Речь идет о посещении человеческого мира неким иным, высшим началом, о самом существовании героя рассказа не был информирован и осведомлен.

Архетипический сюжет посещения включает в себя некоторые устойчивые моменты. Прежде всего, вестник, посещающий мир, приходит инкогнито. Его трудно узнать. Только некоторым встречным на его

Его простота обнаруживается и многими другими чертами. Он доверчив: "эти доверчивые глаза"; он не ждет подвоха со стороны Зотова до последнего мгновения.

У Зотова нет слов, чтобы назвать то, что влечет его и располагает к этому чудному человеку. Он выбирает слово совсем неподходящее - "уравновешенный": "Зотов уже не сдерживал симпатии к этому уравновешенному человеку". И еще одно слово - "внимательный". У него явно нет слов, нет воспоминаний для того, что заключено в его странном собеседнике. Понимающий человек наверное назвал бы это неотмирностью, для Зотова это уравновешенность.

Тверитинов абсолютно беспомощен, и это тоже характер-

с внимательным интеллигентным человеком". Можно сказать, начало посещения состоялось - человек откликнулся вестнику и никто другой из всех героев этого рассказа откликнуться явно не мог.

Но затем начинается вторая часть посещения: испытание. И этого испытания, как мы видим, наш герой не выдерживает. Он предает своего гостя. Вот здесь открывает свой трагический потенциал его неведение, его неосведомленность. Он не способен понять, как может вот этот человек не знать всем известной вещи, и по простейшей ориентации, в которой он инструктирован, он относит его к врагам - и перестает верить собственному чувству ("Тюха-матюха! Раскис. Расстился перед врагом, не знал, чем угодить").

рукавов, одну с вещмешком, распух от размеров своей крылатой темной тени, и потолок уже давил ему на голову" - и голос его, произносящий бессмертные слова: "Ведь этого не исправишь!" - слова последнего суда, звучит, "гулко, как колокол". Зотов видит истинный облик гостя: так обычно и видят ангела, который летает.

Казалось бы, этот рассказ - повествование о неудавшемся посещении, о непоправимой катастрофе. Герой не выдержал испытания, он сдал человека и предал себя. Однако на самом деле последняя фраза рассказа, его открытый конец: "Но никогда потом во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека..." - говорит о противоположном. Посещение удалось. Наверняка жизнь его уже решена. Страдательным лицом, в конце концов, оказывается герой этого рассказа. И это не катастрофа, а начало другого пути.

Наконец, последнее, что я хотела сказать: о тайнозрительстве социального в этом рассказе. Да, этот очень прикровенно изложенный сюжет посещения вполне похож на большую литературу всех времен: посещают человека ангелы - и испытывают, что он сделает в ответ на это. Здесь, в "Случае" можно обнаружить даже замечательную сцену угощения: Зотов вдруг отдает своему гостю припасенный табак, т.е. он ведет себя как настоящий гостеприимец, как в своем роде Авраам, принимающий ангела. И вдруг все это оборачивается такой низкой подлостью...

Но вот что отличает "Случай". Обычное посещение - это испытание человека как человека, так это и у Толстого, в его "Чем люди живы". Испытывается каждый отдельный человек: а что будет, когда он, именно он, сапожник или барин, встретит ангела? Здесь же, в "Случае" испытывается не человек сам по себе, не Зотов как таковой, а вот эта самая социальность. Это она пережила эту встречу в своем лучшем воплощении и она угадала - опять же, не Зотов - она угадала в этом вестнике своего врага: совсем не такого врага, как думал Зотов, не шпиона, не офицера, а в самом существенном смысле врага всей этой социальности, всей этой квазирелигии, врага, которого можно назвать так - живая человеческая жизнь.

Постскриптум.

Современный читатель может закрыть "Случай на станции Кочетовка" с облегчением: слава Богу, это историческое повествование, ему-то не грозит ошибка бедного Зотова, уже потому, что всей этой идеологии, этой формы социальности больше не составляющая нас искать уютные отговорки - «слава Богу, это историческое повествование, ему-то не грозит». Никто как будто не обязан теперь хранить классовую бдительность и искать врага во всем незнакомом. Увы, у социальности много форм, и любая из них, крепко или слабо идеологизированная, левая или правая, прогрессистская или консервативная, националистическая или космополитическая, делает с человеком то же, что с героем рассказа. Она превращает случай освобождения души в случай погубить душу.

пути что-то подсказывает о его необычайной значительности, что-то бессознательно привлекает к нему. Уже узнавание, влечение - знак некоторой избранности, чистоты сердца.

То, что Зотов - можно сказать, праведник социальности, праведник идеологии (ход повествования показывает, что он по-своему безукоризненный герой, мученик своих убеждений), вероятно, оправдывает то, что именно ему этот герой является. Именно он видит посещение (это видение выражается в необъяснимой приязни к новому знакомцу, в попытке что-то вспомнить и узнать): все остальные в этом странном персонаже ничего особенного не видят. Откуда мы можем заключить, что Тверитинов - это вестник, своего рода ангел или что-то вроде того? Мы узнаем характерные черты Посещения. Всегда, когда речь идет о явлении какого-то посланца из другого - Божьего - мира, его отличает прежде всего простота. Он прост среди крайне сложной, усложненной жизни, среди хитроумных сплетений принятого, практичного, полезного, политического. Там, где все отлично знают условности и условия существования, он как-то слишком прост. Так, Тверитинов между делом говорит: "а то еще за шпиона примут!" - то, чего люди, хорошо знающие ситуацию, никогда не произнесли бы.

ная черта посещений XX века. Если, допустим, в ветхозаветном рассказе мы видим вестника все-сильного, грозного, такого, который уничтожит плохо принявшего его человека - здесь же он сам находится в крайне угрожаемой позиции, и это отвечает небывалой реальности XX века. Известно немало рассказов людей, которые пережили в эти годы нечто вроде такого посещения божественного: и всегда они видели этих вестников в образе совершенно беззащитного и отдающегося в их власть человека, такого, как этот Тверитинов, который целиком находится во власти лейтенанта Зотова.

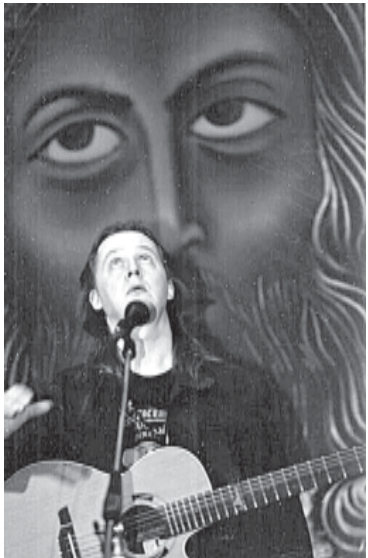
Дальше мы видим, что происходит то, что обыкновенно происходит в случаях Посещения. Первый момент - неожиданное расположение героя, необъяснимое для него самого: он мгновенно доверяет своему гостю. Его покоряет улыбка - вспомним "Чем люди живы?". Что действует на всех, кто встречает ангела? Его взгляд и улыбка, доверяющий взгляд и освобождающая улыбка. Действие Тверитинова на героя - освобождающее действие: Зотов неожиданно становится открытым, он начинает ему рассказывать о самых разных вещах, в том числе, и о положении на фронтах (военная тайна!), сам удивляясь этому: "но уж очень редок был случай отвести душу

Дальше мы видим, как Зотов, вызывавший у нас несомненное сочувствие своей чистотой, детскостью, - этот самый Зотов ведет себя подло, и сам чувствует собственную подлость ("Его самого резала противная фальшь собственного голоса"). Это поразительное превращение. С таким образом, как Зотов, что-то, а подлость как-то не связывается. ("А лгать Зотов - не умел"). "Случай отвести душу" оказывается "случаем погубить душу".

И здесь я хочу заметить, немного забежав вперед: "Случай на станции" - один из самых уничтожительных ударов по социальности и идеологии, которые нанес Солженицын. Вмesto привычного образа фанатика, ограниченного, но чистого человека (как обычно изображают человека идеологии - и "чистоте" его противопоставляют "грязного", но добродушно-го обывателя), мы увидели неожиданного и неизбежного подлека. Солженицын нам говорит, что в этом месте, в человеке социальном, человеке-идеологе, подлость неизбежна, что без подлости здесь дело не делается при самых возвышенных намерениях.

И вот в конце завеса открывается, и напоследок Зотов видит этого преданного им человека в рост - и рост этот оказывается нечеловеческим. "Он выбросил руки, вылезавшие из

"СРЕДИ МУЗЫКАНТОВ, ИГРАВШИХ ХРИСТИАНСКИЙ РОК, БЫЛО МНОГО НЕВЕРУЮЩИХ..."

Андрей Мисин

Первая российская христианская группа - "Трубный зов" - заметно отличалась от многих своих последователей. Мало того, что ее лидер Валерий Баринов был активным членом церкви евангельских христиан-баптистов, его дебют с христианской тематикой в рок-музыке был настолько удачен и привлекателен, что вышедший в начале 80-х альбом был сразу же запрещен КГБ, члены группы оказались в тюрьме, а потом были высланы за границу. И хотя альбом начал подпольно распространяться, его выдающийся художественный и музыкальный уровень, а также страх перед КГБ надолго отбили у рокеров желание разрабатывать христианскую тему.

После перестройки интерес к христианству среди молодежи был необыкновенно высок, и рок-сцена ответила на это: десятки групп под "риффы" гитар и бой барабанов начали проповедовать христианство с концертных площадок по всей территории Советского Союза. Любопытно, что среди музыкантов, играющих христианский рок, было много неверующих, обратившихся к вечной теме по некому наитию, из жажды познания тогда еще достаточно запретного плода, ради возможности выступить в роли нового пророка. Большинство смело причисляло себя к православным, хотя истинно воцерковленных среди рок-музыкантов были единицы.

"Новый завет", "Мономах", "Тропарь", "Третий Рим" в Москве, "Галактическая федерация", "Яблочный спас", "Царская охота" в Питере, "Пилигрим" в Риге, "Новый Иерусалим" в Деловске, "Акцент" в Моршанске, "Иисус Христос" в Урале, "Пикет" в Кустанае - вот далеко не полный перечень обратившихся к христианской тематике групп. Кроме того, не стоит забывать и отдельных солистов, таких как Андрей Мисин, Николай Парфенюк, Виктор Третьяков, Юрий Морозов и другие. Интересно, что ни один из коллективов и солистов не был церковным - все они были светскими артистами, весьма популярными, собирающими тысячные залы и записывающие собственные альбомы (тогда на фирме "Мелодия"). В 1994 году фирма "Мессия" совместно с "Мелодией" выпустила двойной альбом "Антология христианской рок-музыки в России. Часть 1", а в 1996 (уже на CD) вышло продолжение - "Часть 2".

Однако к концу 1990-х христианский рок как направление

современной молодежной музыки со светской сцены исчез. В стране стала насаждаться дешевая "попса". Лишь иногда, в исполнении известных исполнителей популярной музыки (Гребенщиков, Шевчук, Газманов, Орбакайте, Пресняков, Макаревич и др.) на концертных площадках и в эфире звучали имеющие некоторое отношение к христианской тематике песни.

Неожиданно рок начал возрождаться в протестантской среде. Являясь поначалу полностью богослужебной музыкой, христианский рок вскоре перешел от текстов молитв к самостоятельным оригинальным текстам. И многие из возникших таким образом групп начали теснить светские поп и рок-группы в местных хит-парадах, становясь популярными и все больше привлекая внимание и завоевывая любовь молодежи, уставшей от отупляющей и примитивной "попсы" - "Новый Иерусалим" (Минск), "Ковчег" и "Если" (Москва), "Дружки" (СПб), "911" (Краснодар).

Последние год-два большое внимание рок-музыке стала уделять Русская православная церковь. Во время 3-го миссионерского съезда РПЦ (октябрь 2002 года) состоялся, в качестве образца современной миссии среди молодежи, рок-концерт для епархиальных миссионеров. В конце 2002 года в храме Христа Спасителя прошел фестиваль "Поющий ангел", представивший слушателям разнообразные образцы современной христианской песни, в исполнении как христианских, так и светских исполнителей популярной музыки. В январе 2003 года в Санкт-Петербурге состоялся организованный миссионерским отделом епархии фестиваль "Рок к небу". Проводились и совместные межконфессиональные концерты - например, ежегодный рождественский фестиваль современной христианской песни "Вифлеемская звезда", учрежденный представителями Русской православной церкви (центр "Мессия") и харизматической церкви "Роса" (компания НХТ).

В наступившем 2004 году РПЦ впервые предоставляет для исполнителей молодежной музыки трибуну ежегодных Рождественских чтений в Москве. Согласие на участие в благотворительном фестивале "Свет Рождества", который пройдет 26 января 2004 года в Московском Дворце Молодежи и сбор от которого будет направлен на строительство храма в приюте для беспризорных детей и подростков "Алтуфьево", дали многие музыканты и композиторы: Алексей Рыбников со своим хором, Александр Барыкин ("Карнавал"), Алексей Белов ("Парк Горького"), Ольга Кормухина, Иван Смирнов, Стас Бартенев ("Если"), Татьяна Анциферова и другие. Мне хотелось бы верить, что такие концерты будут продолжаться, хотя бы потому, что, на мой взгляд, они способствуют развитию диалога, установлению контакта между различными возрастными, социальными и конфессиональными сферами современной отечественной культуры.

Директор Христианского музыкально-продюсерского центра «Мессия» Игорь КОРОЛЕВ

У НАС ПЫТАЮТСЯ ОСТАВИТЬ ВСЕ КАК ЕСТЬ И ПРИ ЭТОМ ПРИВЛЕЧЬ МОЛОДЕЖЬ

Интервью с одним из руководителей молодежного движения Преображенского содружества Александром Копировским

"Кифа": То, что принято сейчас называть христианским роком и что появляется то на миссионерском съезде, то в храме Христа Спасителя, теперь вот на Рождественских чтениях - это, судя по всему, достаточно разнообразное явление. Разнообразное и в плане музыкальном, и в плане смысловом. Что там, на Ваш взгляд, наиболее интересно и заметно, а что, может быть, не только не стоит внимания, но и разрушительно?

Александр Копировский: Не могу не начать с каламбура: понятие "христианский рок" содержит взаимоисключение, поскольку у христиан нет рока (не в том смысле, в котором "В СССР нет секса", а что у христиан не рок, а промысел Божий). Но - шутки в сторону. Честно сказать, я словосочетание "христианский рок" не воспринимаю и в другом смысле. Так же, как словосочетания типа "православная физика" или "православная обувь". Рок - он и есть рок. Он может быть "христиански окрашенным". Но он не может быть христианским. Не потому, что это явление антихристианское, нет. Это нормальное явление культуры в мире сем. Оно требует, как всякое явление культуры, серьезного анализа.

"Кифа": А диалога?

А. Копировский: Диалога - конечно. Это тоже без шуток. Когда есть высказывания типа "рок - от дьявола" или наоборот: "ну вот, у нас же есть христианский рок" - для меня и то и другое равно неинтересно. Не о чем говорить. Есть утверждение - и все. А надо говорить о том, что такое рок и какова степень участия в нем христиан, с чем они туда приходят, что они там делают, что рожают - это, безусловно, тема для разговора. А еще нужно понять, есть ли результат. То, что сейчас называется христианским роком - по моему, просто стилизация. Я это говорю сейчас только как свое частное мнение, основанное не на глубоком изучении предмета, а на знакомстве с некоторыми примерами. Да, интересно, да, любопытно. Но я не вижу там чего-то принципиально нового. Как ни странно, те же самые битлы и около этого явления возникшие группы 70-х годов - они внесли новое в культуру. Не только в масскультуру, даже не столько в нее. Они внесли что-то в человеческую жизнь, в жизнь народов, я бы даже сказал. Это было связано именно с жизнью, с какими-то глубинами, которые были не открыты до тех пор и не изучены. И то, что сейчас происходит - мне кажется, довольно поверхностное явление. До слез жалко, что что-то настоящее распыляется на чисто внешние вещи. Современный «христианский рок» - это в основном (может быть, есть какие-то исключения, которых я не знаю) явление, я думаю, скорее идеологического плана. То есть оно имеет христианские акценты, сюжеты...

"Кифа": Но глубины внутреннего опыта не хватает?

А. Копировский: Дело даже не во внутреннем опыте, а в

том, что это - эклектика в принципе. Это не рождено изнутри. Рок родился в определенное время, в определенном месте, для определенных целей. А христианство, простите - в другое время, в другом месте и для других целей. Соединить эти две вещи, взять и склеить - это будет монстр какой-то, уродец. Надо родить. Я совсем не против того, что люди ищут что-то важное в этой области, но до рождения еще далеко...

"Кифа": Но ведь возможно воцерковление тех или иных явлений культуры через проживание их человеком-христианином.

А. Копировский: Абсолютно согласен! Более того, это единственный путь, точно так же, как когда-то было воцерковление языческое искусство - архитектура, живопись... Но нужно, чтобы этим церковь занималась, а не только отдельные люди.

"Кифа": Она и занимается.

А. Копировский: Нет, этим пока занимается не церковь, а ее идеологические отделы и отдельные идеологи вроде дьякона Андрея Кураева.

1969 г. На переднем плане слева - А. Копировский

"Кифа": Но и миссионеры занимаются! По-моему, от отчаяния, что настоящей миссии пока не получается.

А. Копировский: С этим я согласен. Потому что сейчас церковь занимается роком как приманкой для молодежи. Делается попытка "приклеиться" к нему, чтобы кого-то привлечь. Но это и есть самый настоящий прозелитизм! Когда начинают говорить: "Приходите, у нас даже рок есть христианский, Кинчев, например" - это же заведомая ловушка, коммивояжерство. Мне кажется, это недостойный прием. Можно заниматься вместе с молодыми людьми просто роком - без прилагательного "христианский". В молодежную культуру вместе с ними надо входить. Не надо, конечно, туда заходить "по ноздри" и сидеть годами, но можно пытаться вместе всматриваться и что-то искать, что рождает, и, конечно, не только в этой области, а вообще в культуре. Нельзя ведь заниматься только масскультурой, не зная серьезно традиционной культуры.

Но все равно - никакое возрождение культуры невозможно без настоящего, подлинного возрождения церкви. А у нас пытаются оставить все как есть

и при этом - привлечь молодежь (используя рок, а временно "подмигивая": мол, на самом-то деле мы знаем, что это такое, ну уж потерпим, ладно...) Это лукавство. Так нельзя. Если бы мне пришлось встретиться с какими-то серьезными вопросами о роке во время моего общения с молодежью (этим я занимаюсь уже четырнадцать лет) - пришлось бы самому "влезать" в него. Впрочем, опыт есть...

"Кифа": А часто ли возникает в Ваших разговорах с молодыми людьми тема рока?

А. Копировский: Практически никогда. Не надо с ними об этом разговаривать, пока они не заговорят сами. А потом - ну, что им со мной разговаривать о современном христианском роке, когда я знаю его плохо, а они знают еще хуже? Они же слушают просто нормальные вещи. Не случайно от Кинчева большая часть людей просто ушла, когда он начал что-то такое "изображать" на христианские темы.

"Кифа": Слушают тех же битлов, ДДТ...

А. Копировский: Совершенно верно. В песнях ДДТ есть смысл. Хотя это уже архаика. Даже у "Машины времени" отдельные вещи есть со смыслом. Я не буду говорить, с каким, но со смыслом. А если где-то есть смысл, есть живые нотки - на них и надо смотреть. Я думаю, что молодым людям даже неинтересно много разговаривать на темы рока. Они его просто слушают. Они в этом живут. Когда начинают какие-то оценки, они как правило, скучны либо некомпетентны. И они им мало понятны. С ними о жизни надо говорить. О любви и дружбе. О правде...

"Кифа": И о суде.

А. Копировский: О! Спасибо. И о суде, совершенно верно. А о роке - не надо. Надо его с ними слушать. Но не для изучения и применения потом "против них", а для того, чтобы услышать! Поймал кусочек, есть золотинка - и порадоваться. Потом можно с ними поделиться - вот, вчера прослушал штуку, честно говоря, не очень понравилось. Но вот то-то и то-то - зацепило. Тогда может начаться разговор.

Беседовала Александра КОЛЫМАГИНА

“PERSONAL JESUS”

У английской группы Depeche mode есть песня «Personal Jesus» (собственный Иисус), смысл которой сводится к тому, что Христос - это утешение слабым и одиноким людям, которые ни с кем не находят общий язык и уходят в мир религиозных образов. Человек, не знающий православной веры, может и не до таких глупостей додуматься, пытаюсь понять западноевропейский вариант христианства. Однако есть в этой песне слова, которые можно отнести к восприятию религии современными православными: "Твой собственный личный Иисус".

Действительно, отсутствие соборности в православии очень остро ощущается именно в наше время.

На уровне мнений - одни против налоговых кодов, другие говорят, что в них нет ничего страшного, одни мечтают восстановить православную монархию, другие - за деканонизацию царя Николая II. На уровне повседневной жизни - индивидуализм и скрытность. Тысячи людей приходят в храмы, молятся друг о друге («со благоговением и страхом Божиим входящих в онъ Господу помолимся») и остаются чужими.

Эпоха индивидуализма в церкви началась намного раньше. Около 100 лет назад А. Папков писал о современных ему приходах императорской России: "В настоящее время мы все, "приходящие" в столичные и городские храмы слишком чужды друг другу и знакомство наше по церкви часто случайное, поверхностное, тогда как оно должно быть полным и всеобщим. В центре прихода, в его храм, стекаются люди для присутствия при богослужении, для общественной молитвы, и нет места на земле, где бы с такой полнотой мог совершиться высокий подъем духа в людях, как в храме. Сколько молитв в храмах возносится людьми страждущими от материальных невзгод и горюющих скорбями земными! Сколько людей стоит тут же в храме, в молитвенном созерцании, имеющих достатки, знание и опыт, и которые могли и желали бы помочь этим страждущим, бедствующим и неимущим! Возможно ли для истинных христиан ограничиться одним присутствием на богослужении и затем разойтись чуждыми друг другу?" (А. Папков, "Необходимость обновления православного церковно-общественного строя", "Русский вестник", июль 1902 г.)

Любой современный прихожанин может подтвердить актуальность этих слов. Даже на тех приходах, где люди общаются, знакомство их действительно "случайное, поверхностное". Осмелюсь утверждать, что подобный индивидуализм и самозамкнутость являются грехом и одной из причин слабости современного православия. (Я не говорю здесь об интровертах, людях, обращенных внутрь себя, они есть в любом обществе, но, наверное, только в постсоветском православии обращенность в себя стала стереотипом поведения 90% верующих)

Мирянин не спасается в одиночку. Скорее наоборот - общаясь с книгами и изредка исповедуясь разным священникам, человек будет жить не по Преданию, а согласно "православию, как я его понимаю". Даже монахи спасаются в общине, а уж миряне, живущие в обще-

стве, полном соблазнов и искушений, требуют постоянного внимания и общения с единовверцами. Обмен опытом духовной жизни, помощь неопитам со стороны духовно зрелых христиан - все это существенно необходимо мирянам: "исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными" (Эфес.5.19), "научайте и вразумляйте друг друга" (Кол.3.16), "Наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: ныне, чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом" Евр.3. 12-13 "Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам. Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай; но будем увещевать друг друга, и тем более, чем более усматриваете приближения дня оного". Евр.10.24-25

Именно поэтому св. Игнатий (Брянчанинов) восклицает: "Утешителен, отраден для христианина голос его собрата в этой тьме и сени смертной, в которой мы совершаем наше земное странствование, шествуя к небу". Православие - это религия Предания. А Предание передается как устав соборного богослужения, как правила жизни общины, а не как "мои личные религиозные убеждения". Именно индивидуализм в стиле "вера - это мое личное, интимное дело" приводит к превращению "веры отцов" в личностный вариант религии, духовное хобби.

Сын Божий создал на земле общину 12 людей, а не обратил 12 человек и оставил их погибать в нехристианском мире. Из приведенных выше отрывков Апостола видно, что христиане призваны к общению, а не только к личному благочестию с еженедельным стоянием на службе. Большинство даже воцерковленных (исповедующихся и причащающихся) православных редко участвуют в жизни прихода. А ведь согласно действующему уставу РПЦ прихожане - это "лица православного исповедания, сохраняющие живую связь с приходом" (Устав, XI, Приходы 3.31).

Даже борьба со страстями, к которой призывают нас наши пастыри, намного легче осуществляется в общине. Ведь стыд перед человеком действует намного сильнее стыда перед Богом - такова наша греховная поврежденность и на этом основана необходимость личной исповеди. Те, кто был студентом светских ВУЗов, наверняка помнят - в студенческих компаниях не принято быть жадным и жалеть деньги, если все однокурники покупают пиво на общую вечеринку. Если ты пожадничал, в другой раз к тебе отнесутся так, что ты очень пожалеешь о своей скупости. Точно так же и община первохристиан - там просто не принято было грешить. Выражаясь современным языком, это был "стиль компании". И действует это намного сильнее личного благочестия - жизнь человека на виду у всех его братьев и сестер во Христе. Совершив грех, он не просто стыдится исповедоваться в полутьме храма батюшке, ему стыдно показаться на глаза перед его друзьями-единовверцами. Можно предположить, что это является одной из причин удивительной чистоты жизни первых христиан. И одновременно - того, что современные христиане не становятся солью земли и светом мира, как это заповедано.

Да и сами добродетели, понимаемые по собственному толкованию, могут выглядеть неприглядно. Самоукорение превращается в комплекс неполноценности, а молчание и немногословие - в хамство и нелюдимость. В общине духовно зрелых людей всему этому человек научится на примере жизни своих ближних, а не из понимаемых по-своему книг. Частично способы передачи Предания сохранились и теперь. Как креститься и когда кланяться во время службы - многие учатся, наблюдая за другими. Однако другие нормы передаются при более братских отношениях. К примеру, о том, как молиться перед едой и после нее, неопиты узнают только после посещения приходской трапезной. О необходимости утренних и вечерних молитв можно и не узнавать, если не попасть в действительно религиозное общество.

О том, как важен пример жизни, сказано в одном из древних патериков: "Для того, чтобы приобрести страх Божий, найди человека, имеющего сей страх, смотри на его поведение, на его слова и научись от него". Этот совет давался человеку, жившему в небольшом обществе монахов, где исполнение этого совета вполне естественно. А в условиях современного города и сегодняшних отношений даже между верующими вряд ли кто-то решится навязывать свое общение. А вот жизнь общинная, более тесная, когда люди чаще общаются и чаще видятся и приводит к тому, что неопиты перенимают добродетели духовно зрелых христиан. Поэтому и Игнатий Антиохийский пишет: "Итак, старайтесь чаще собираться для евхаристии и славословия Бога. Ибо, если вы часто собираетесь вместе, то низлагаются силы сатаны, и единомыслием вашей веры разрушаются губительные его дела. Нет ничего лучше мира, ибо им уничтожается всякая брань небесных и земных духов". (Св. Игнатий Антиохийский, Послание к Ефесеянам, Глава XIII.).

Выход из этой проблемы - это осознание того, что "приход - это прежде всего общность верующих людей. Если эта общность неформальна, не исчерпывается обрядовой стороной церковной жизни, то на ее основе обязательно зародятся и будут развиваться различные инициативы социального служения... нужны специально выделенные приходские помещения, где люди будут встречаться и совместно трудиться. Новосоздаваемые храмы должны строиться вместе с социальными центрами при них, где были бы зал для собраний, кухня для возможности организации совместных трапез, классы для занятий, библиотека. Ибо православный приход должен стать местом встречи, духовной жизни и социальной активности людей" (митрополит Смоленский Кирилл. "Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?" М., 2002 г. Стр. 82).

Влад ГОЛОВИН

Спасибо, статья мне понравилась (интересно, что в ней ссылка на сайт нашего Свято-Филаретовского института в связи со статьей А. Папкова). Я даже отправил ее в редколлегия нашей газеты "Кифа", может быть, они захотят ее напечатать. Надеюсь, ты не будешь возражать? Тем более, что, как ты пишешь, она уже есть на сайте УПЦ.

Но думаю, что с выводами, в отличие от основной части, не все в порядке. Владыка Кирилл говорит о том, что приход нужно делать общиной, но не говорит - как, а ведь это самое важное. По опыту могу сказать, что это и самое сложное, здесь одни общими делами не обойтись. У тебя есть какое-то мнение по этому поводу?

Александр Копировский

Я конечно, не возражаю против печатания. А выводы у меня сырые, потому что я пока только теоретик.

Насколько я могу предположить, важнее общих дел - самое главное общее дело - то есть литургия. Но так служить, как служит ваша община, в Киеве очень трудно. Совместное пение или русский язык в службе или даже чтение Писания на русском - это здесь чаще всего воспринимается как обновленчество. А по-другому сделать литургию общим делом - через лекции по литургике... Не знаю... Чаще всего священники завалены требами или семейными проблемами. Я же этих лекций читать не буду. Я только пытаюсь понять. Мне очень понравилось то, как Шмеман объясняет индивидуализм. Я даже сделал компиляции - резюме из работ его и Керна. Почитайте.

А выход я себе с трудом представляю. Я видел, как вы служите, это меня вдохновило, да и многих из нас. Но что реально для этого делать...

Мы иногда собираемся дома или у нас, или еще у кого-то, но народ чаще всего замкнутый. Говорят или священники или диаконы, остальные молчат - и не ясно, что они за люди. Получается какая-то воскресная школа домашнего типа. Мы еще дни ангела иногда отмечаем на приходе молодежью. Но нет регулярности - люди ходят в разные церкви, окормляются у разных священников...

Иногда я просто прихожу к выводу что индивидуализм - это болезнь нашего века и она неизлечима, что время общности в церкви закончилось... Хотя обидно, ведь слово церковь и переводится как собрание, литургия - общее дело, евхаристия - благодарение. Собираются люди на общее дело - вместе благодарить Бога... Если бы это так выглядело и реально, а не только мистически-духовно...

Расскажите, что вы знаете, чем достигается это единство?

На этой странице мы публикуем (в небольшом сокращении) не только статью киевского автора Влада Головина, опубликованную на сайте УПЦ,

но и фрагменты переписки, в результате которой статья оказалась у нас в редакции. Нам кажется, что и сама эта переписка заслуживает внимания.

Тут, конечно, не может быть сценариев или формул - делайте так-то, получится то-то. Но есть распространенные ошибки и есть эффективные средства? Или я не прав?

Влад Головин

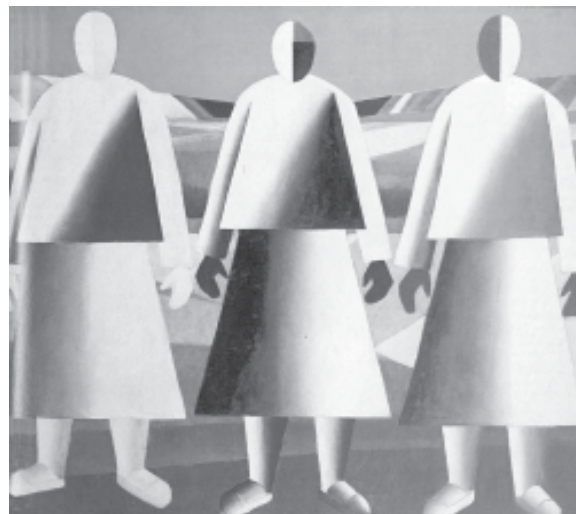
Дорогой Влад! Спасибо, выдержки прочитал, подобранные очень хорошо.

Работ Папкова, к сожалению, нет, я читал их в библиотеке, уже не помню, где, - кажется, в Санкт-Петербургской духовной академии.

А что касается твоего главного вопроса - чем достигается единство, здесь односложно ответить трудно. Пожалуй, главное вот что: оно не может создаваться "сверху", от начальства, или "сбоку", от традиций, - а только изнутри. Когда люди идут к Богу и в Церковь, они еще не вполне понимают, куда идут. Но когда пришли, говорят: да, это именно то, что мы искали! Сближение во время поиска самого главного для временной и для вечной жизни дает основу такого единства, рядом с которым все остальные "единства": родовое, культурное, семейное, профессиональное, корпоративное, в счастье, в несчастье и т.п. - оказываются частностями. У нас все вырастает из совместного пути: люди, обратившись к Богу после миссионерской проповеди в той или иной форме, потом оглашаются, - наставляются на Путь, начинают идти по нему. Потом, после воцерковления - продолжают это делать, уже беря на себя ответственность, служа Богу и Церкви все вместе. Вот это и есть эффективное (потому что действительно церковное) средство. А если бы они поодиночке "приползали" бы в храм, ни во что не вникая, а лишь покорно следуя всему, что бы им там ни сказали и кто бы ни сказал (а ведь именно таким многие батюшки и владыки видят идеал церковности) - это единство массы, а не личностей, рабов, а не сынов. Это и не христианство совсем. Т.е., нужно увидеть Христа и Церковь в традиции, а не заменять Христа традицией. Мне кажется, это и есть самая распространенная ошибка.

Впрочем, в нескольких строчках, разумеется, все не скажешь. Хорошие книги могут во многом помочь. О. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейендорф, о. Николай Афанасьев, мать Мария Скобцова (ты читал ее "Типы религиозной жизни"?), о. Сергей Булаков, Н.А. Бердяев - это из самых известных. Замечательная подборка свв. отцов у С. И. Фуделя - "Путь отцов". Еще лучше - настоящее гуманитарное, а потом и богословское образование. И тоже не в одиночку, конечно.

А у тебя, по-моему, перегиб - насчет того, что общинность в церкви кончилась. Тогда и церковь кончится... Наоборот, все продолжается, а в чем-то - только начинается по-настоящему. С любовью во Христе - Александр Копировский

Казимир Малевич. Девушки в поле. 1928-1932. ГРМ

“ПОДОБНО ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ КУПЦУ, ИЩУЩЕМУ ХОРОШИХ ЖЕМЧУЖИН...”

Многоценная жемчужина / Пер. с сир. и греч., сост., предисл. и коммент. С.С. Аверинцева. - К.: Дух і літера, 2003. - 600 с.

Сборник С.С. Аверинцева "Многоценная жемчужина" - это уже третья его книга, которая выходит в Киеве в издательстве "Дух і літера". До этого здесь были напечатаны "София-Логос. Словарь" и "Стихи духовные".

В сборник вошли произведения ближневосточных и византийских авторов, живших в первое тысячелетие после Р.Х. Впечатляют пространственные ориентиры, заданные отдельными главками. От Босфора до Месопотамии, от Арабата до порогов Нила - вот границы того ареала, к которому приковано внимание ученого. Но прежде чем перейти к содержанию разделов, скажем несколько слов об антологии в целом.

Она переиздавалась уже несколько раз. Первое издание увидело свет в далеком 1987-м (сборник тогда назывался "От берегов Евфрата до берегов Босфора"). Киевское издание значительно дополнено. Автор ввел небольшой малоазийский раздел и существенно расширил раздел константинопольский,

так что пропорция несколько изменилась в сторону греческих текстов. Тем не менее сердцевиной рассматриваемого ареала по-прежнему остались Сирия и Египет.

Первая главка называется "Золотой век сирийской литературы" и включает в себя поэтические тексты св. Ефрема Сирина. Его гимны и мадраши - яркие образцы объективно сильной речи, в которой мистический порыв неотделим от восточной орнаментики, а метафизика переплетена с конкретной:

Умерщвлены сыновья мои
и дочери мои вне оград моих,
пали стены твердынь, бежали чада их,
попраны святыни их.
Хвала наказанию Твоему!
("Песнь на взятие крепости Анацит").

Во вторую главку - "В пустыне египетской. Малая Азия" - наряду с вдохновенными стихами св. Григория Богослова вошли прозаические тексты. Это "Лавсаик" Палладия Еленопольского и изречения отцов пустыни, некоторые из которых странным образом напоминают коаны:

"Говорил авва Алоний:
- Если не скажет человек в сердце своем, что двое нас в

мире, я и Бог, не обращает себе успокоения".

Третий раздел - "Константинопольский эпилог" - переносит нас в столицу второго Рима. Гимны преп. Романа Сладкопевца, стихи о монашеской жизни преп. Феодора Студита, мистические признания преп. Симеона Нового Богослова...

Четвертая главка, "Восточный эпилог", уводит нас за границы Византийской империи, в области, завоеванные исламом. Среди произведений этого раздела - творения преп. Исаака Сирина, "Луг духовный" Иоанна Мосха и гимны преп. Иоанна Дамаскина.

К слову, замечу качественную разницу между переводами и оригинальной поэзией, написанной под влиянием иноязычного автора.

*Какая сладость в жизни сей
Земной печали не причастна?
Чье ожиданье не напрасно
И где счастливый меж людей?*
Эти строки - из поэмы А.К. Толстого "Иоанн Дамаскин".

У Аверинцева этот же фрагмент звучит так:

*Сладость какая в жизни сей
пребывает с печалью
не смешана?*

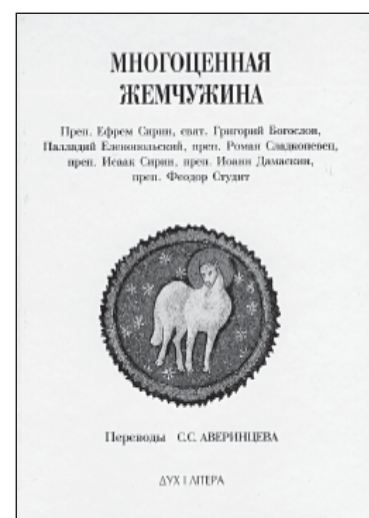
*Слава какая стоит на земле
нерушима и незыблема?*
("На последование погребения")

ния").

Увы, переводы, даже самые блестящие, многое оставляют за кадром, и о красоте отдельных стихотворений нам остается только догадываться.

В пятом, заключительном разделе сборника "Ранние апокрифы" собраны произведения либо имеющие отношения к тогдашней массовой, занимательной литературе (вроде "Повести об Ахикаре Премудром"), либо к литературе гностической. Впрочем, некоторые гностические гимны претерпели православную редактуру. Это относится, в частности, к "Песне о Жемчужине", содержание которой отсылает нас к названию всего сборника, представляющему, в свою очередь, аллюзию на слова Христа ("Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее") (Матф. 13, 45).

Благодаря кропотливым трудам С.С. Аверинцева мы можем вступить в напряженный и душеполезный, как говаривали раньше, "разговор через века". Знаменитый ученый при этом выступает не только как переводчик, но и как гид по малоизвестным краям. С его помощью

мы преодолеваем разницу языкового, культурного, исторического контекста и совершаем для себя какие-то важные открытия.

Невозможно при этом не вспомнить, что само понятие об историческом исследовании как о живом диалоге времен и культур, возникающем вне условной разницы ролей «изучаемой» и «изучающей» сторон - одна из блестящих находок Аверинцева.

В заключение отметим, что книга отличается особой филологической пунктуальностью и завершенностью - аппарат издания не вызывает особых нареканий. Разве что отсутствует указатель имен.

Борис КОЛЫМАГИН

“ЦЕЛИТЬСЯ ПОВЫШЕ”

В ответе на этот призыв - залог плодотворности диалога мировоззрений

Умберто Эко и кардинал Мартини. Диалог о вере и неверии. М.: ББИ, 2004. - 64 с.

В своем предисловии к книге, о которой идет речь, Ирина Языкова справедливо отмечает, что сегодня "ни атеистическая, ни христианская позиция не могут уже более претендовать на тотальное овладение массами". И, казалось бы, разговор на равных, диалог, над которым давно не маячит ни призрак костра, ни призрак лагеря, имеет очевидную перспективу. Однако перспектива диалога - еще не гарантия его качества, и до сих пор вопрос "Есть ли Бог?" нередко решается путем взаимных обличений, когда знаменитая цитата великого писателя: "если Бога нет, то все позволено" тут же парируется ее парадоксальной антитезой: "если Бог есть, то все позволено", и ни одна из сторон не испытывает недостатка в доказательствах правоты своего вердикта. Нередка ныне и противоположная, но едва ли намного более плодотворная ситуация, когда толерантность по отношению к оппоненту понимается таким образом, что, по замечанию автора предисловия к американскому изданию книги Харви Кокса, "вместо ответных аргументов ему предлагают чашечку кофе".

Диалог, представленный в этой книге - совсем иного свой-

ства и уровня. Заведомый интерес к нему обусловлен уже самими именами и "весовой категорией" его участников: Умберто Эко - ученый, философ и всемирно известный писатель, автор романов "Имя розы", "Маятник Фуко" и др. Кардинал Карло Мария Мартини - архиепископ Миланский, известный библист и деятель екуменического движения. Переписка состоялась на страницах итальянской газеты "Корriere делла sera" по приглашению ее редакции и уже переведена на многие языки мира.

Это вполне понятно при виде уровня компетенции, культуры мышления и взаимной открытости обоих собеседников. Для каждого из них позиция другого - вовсе не "terra incognita". Умберто Эко - подлинный знаток библейского текста, богословской проблематики и самого контекста католической жизни в истории и современности; кардинал Мартини имеет большой опыт диалога с неверующими - на его открытых беседах в Милане собираются десятки тысяч человек.

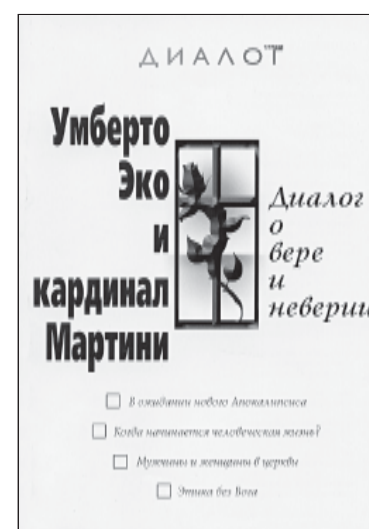
Епископ и писатель сознательно выбирают трудные темы, принимая вызовы друг друга и одновременно без усталости ища общую почву, при этом обнаруживая полное отсутствие стремления выставить собеседника несостоятельным. Своего

рода девиз диалога заключен в словах Эко в начале переписки: "Лучше целиться выше и коснуться предметов, которые, хотя они и у всех на устах, корнями своими уходят глубоко в историю и служат предметом волнения, страха и надежды всей человеческой семьи на протяжении уже двух тысячелетий". В соответствии с этим для своих вопрошаний к собеседнику известный романист выбирает три темы: смысл ожиданий конца истории, проблема начала человеческой жизни (в связи с дискуссией об аборт), проблема роли женщины в церкви.

Однако кульминация книги - пожалуй, в ее окончании. Кардинал ответил на три вопроса писателя и в последнем письме сам задает ему полный искреннего интереса вопрос: как могут жить нравственно люди, не имеющие для этого никакого трансцендентного основания? Эко отвечает. Хочется увидеть, каким будет следующий "христианский ход" в блистательной интеллектуальной партии - но книга заканчивается. Ответа нет, последнее слово остается за безрелигиозным гуманизмом?.. Нет, ответ есть, просто он - за каждым из христиан, дочитавших книгу до конца.

Книга достигает цели - она оставляет читателя в раздумье. Соглашусь, что сама по себе возможность достойной жизни

неверующих людей, которой, столь благородно и трезвенно, оставляя за бортом любой намеренной "обвинительный уклон" вроде вырванного из контекста "вам с вашим мировоззрением все позволено", отдает дань кардинал Мартини - уже достаточный повод для размышлений. "Анонимные христиане" несомненно существуют, "беспокойное неверие" нередко выглядит достойнее убаюканной веры, сами агностик Эко и католик Мартини более открыты друг другу для взаимопонимания, чем иные двое, исповедующие себя христианами одной конфессии... Все это для христиан неанонимным может быть еще одним радостным свидетельством правоты Евангелия - Дух дышит, где хочет, по правую и левую руку от Христа люди становятся по критериям, отличным от религиозной принадлежности... Но, вне сомнений, это одновременно и вызов, формулируемый многократно задаваемым нам вопросом: если возможно христианство анонимное - зачем тогда неанонимное? Зачем вера во Христа и Церковь, если по-человечески можно жить и без них? Ответ лежит в нашем сердце, произрастая из опыта жизни, но сколь успешно мы этим ответом делимся - еще один нелегкий вопрос. Ибо проблема, в конечном счете, решается не в интеллектуаль-

ных диспутах, и христианство, как известно, не столько доказывается, сколько показывается. Узнают нас в итоге все равно по плодам, и в мире, громко и определенно провозглашающем мерой всех вещей человека, мы призваны в полноте явить такое отношение к личности, которое реально происходит из веры в то, что Личность стоит в этом мире за всем, что в нем хоть чего-нибудь стоит. Что не умаляет ценности подлинного диалога - именно в нем мы, освобождая свой глаз и разум от стереотипов, и узнаем того самого другого, с которым так хотим поделиться своими сокровищами. Узнаем мы, впрочем, и еще одну удивительную вещь: чтобы успешно поделиться, мы обязательно должны быть готовы ко взаимности.

Дмитрий МАТВЕЕВ

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ - ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаяская, д.6), в книжном киоске первого гумфака МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (Малая Конюшенная, 9)

Телефоны распространителей:
Москва: 3142596 (Александра Ошарина), 1314769 (Ольга Филиппова), 2107006 (Ольга Орлова), 1589116 (Валерия Волкова), 3426306 (Марина Чиркова).

Санкт-Петербург: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная)
Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)
Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Чеботасва
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.